

Авантюристы на полном скаку

Олаф Бьорн Локнит

Престол Немедии

«Лениздат»

1997

Локнит О.

Престол Немедии / О. Локнит — «Лениздат»,
1997 — (Авантюристы на полном скаку)

Продолжение романа «Торговцы грезами». Прибыв в столицу Немедии Бельверус, Конан вместе со своими друзьями Мораддином и Рингой раскрывают заговор и помогают вернуть престол королю Немедии Нимеду.

© Локнит О., 1997

© Лениздат, 1997

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	20
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	28
ГЛАВА ПЯТАЯ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Олаф Бьорн Локнит

Престол Немедии

Мистеру Анджею Сапковскому, с уважением.

О. Локнит

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– И какому ослу только в голову пришло, что быть проводником – хорошее ремесло?

Задав этот вопрос, Исмаил почесал нещадно зудящий под чалмой бритый затылок и пригубил чашу с вином. Он-то знал точный ответ – этим ослом был он сам. Двадцать лет назад Исмаил продал свою захудалую посудную лавку в Ташкенте и начал водить нанимающих его «челноков» за кордон. Видно, шайтан нашептал Исмаилу тогда эту мысль! С тех пор спокойная жизнь пошла прахом, а седых волос в бороде прибавилось изрядно.

За эти двадцать лет Исмаил твердо убедился – помогает «челноку» один Господь, да и то при наличии у него свободного времени – остальные же призваны всячески мешать и вредить мирному барыге, призванному крепить торговые связи между странами. Торговцы китайским барахлом так и норовят всучить гнилую кожу и кособоко скроенный трикотаж; «челноки»-наниматели сначала обхаживают, как родного отца, вручая проводнику свой товар, а потом отказываются платить вторую половину суммы, придравшись к какому-нибудь пятнышку на тюках с грузом; пограничники сплошь козлы и паразиты, причем так обстоит дело на всех границах – от Турции до Китая. На пути поезда поджидают воры, в городах – рэкетеры, а охрана, эти вечно полупьяные идиоты, смелы лишь при торге за вознаграждение, в иных же случаях думают прежде всего о спасении собственной шкуры...

Исмаил глубоко вздохнул и снова почесал затылок, отчего чалма съехала ему на ухо. Вот и сейчас его компания застряла в турецком городишке Шусф, что у самой границы – а, спрашивается, почему? Потому что вчера нанятые им еще в Ташкенте охранники напились и передрались с местными молодчиками из-за какой-то бабы. Теперь трое из них лежат с переломанными костями в караван-сараях, один сбежал, справедливо опасаясь расправы за убийство, еще двое – в местной тюрьме, а начальник охраны божится, что он тут ни при чем, а ребята просто погорячились. Вдобавок, появились слухи о банде, что хозяйничает в Карпатских горах... Еще с утра Исмаил пытался нанять кого-нибудь из местных шусфийцев, но те, понимая отчаянное положение барыги, запросили такие бабки, что Исмаил только крикнул и отошел, про себя кроя местных черными словами и поминая всеу Аллаха и Магомета, пророка его.

Теперь Исмаил сидел в единственной на весь город гостинице, выстроенной рядом с караван-сараями, и с тоской оглядывал посетителей, надеясь, что у Всевышнего сегодня немного дел, и он, вспомнив о бедном торговце, ожидающем его помощи в захудалом Шусфе, пошлет ему людей для пополнения поредевшей охраны.

А выбор у Исмаила был небогат. Кроме него, в зале шусфийской гостиницы «Усталый путник» (а, надо заметить, остановиться в подобном заведении мог только очень усталый и потерявший всякую надежду добраться до места назначения путник) находились трое греков, направляющихся по своим делам в Анкару, бродячий дервиш с донельзя худым и унылым учеником, подвыпивший узбек с домрой и приехавшие недавно двое мужчин с девицей. Вот на них-то, точнее, на одного из них, и был обращен изучающий взгляд Исмаила.

Человек, привлечший внимание Исмаила, был молод, высок ростом и казался сильным, как бык. Его лицо ясно указывало на принадлежность к славянскому народу и должно было, по мнению Исмаила, отпугнуть любого гопника, также как и внушительный «ствол», который

ненавязчиво торчал из-под полы приезжего. Глядя, как русский одним духом осушил граненый стакан сорокаградусной, Исмаил еще больше укрепился в мысли, что должен попытаться украсить этим человеком свой караван.

Спутники живописного славянина не заинтересовали Исмаила. Средних лет мужчина с залысынами и жиденькой бородкой, крепенький и малорослый, походил на обыкновенного чиновника, а кобура на его боку выглядела чистой воды недоразумением. Женщина казалась довольно молодой и миловидной, но ни один уважающий себя мужчина не променял бы даже ласкового взгляда полногрудой черноокой турчанки на эту худенькую бледненькую мышку.

Приняв решение, Исмаил поднялся со своего места и подошел к столику, за которым сидел могучий русский со своими друзьями.

– Доброго здравия благородным путникам! – вкрадчиво начал он, обращаясь преимущественно к славянину. – Позволено ли будет скромному торговцу из Ташкента угостить вашу компанию тем, что послал нам Аллах в этом недостойном заведении?

– Заведение действительно полное говно, – отозвался славянин, тряхнув при этом гривой спутанных черных волос. – Но даже здесь Бог не оставил нас и послал отличной водовки... – и гигант выразительно постучал по пустому граненому стакану.

Исмаил тихо крикнул. Он-то надеялся, что непритязательные вкусы славянина не идут дальше кисловатого местного пойла. Пришлось позвать хозяина и, скрипя зубами, заказать для всех фирменной «Московской», завезенной в эту шушфийскую гостиницу исключительно ради разорения почтенного Исмаила.

В ходе дальнейшего разговора выяснилось, что славянин прозывается странным именем Сварог, родом он из Новосибирска (кажется, это между Уралом и Китаем, решил Исмаил) и сейчас сопровождает в Германию свою спутницу. Скромно молчавший друг сибиряка по имени Шамсудин оказался не больше не меньше как бывшим военным атташе при казахском консульстве в Анкаре (“И кого только не берут в дипломатический корпус...” – подумал про себя Исмаил). Худенькая девушка представилась как Ирина из Орехово-Зуево и при этом огля караванщика неожиданно твердым и пронизательным взглядом желтовато-карих глаз, какой больше приличествует закаленному в опасностях мужчине, нежели хрупкой и изящной женщине явно благородного происхождения.

Побеседовав с новыми знакомыми о погоде и дорожных происшествиях, Исмаил, наконец, перешел к делу.

– Так, значит, вы, ребята, следуете в славную Германию, да укрепляется курс немецкой марки отныне и навеки?

– В нее самую, – любезно подтвердил славянин, явно подобревший от бесплатной выпивки и проникнувшийся к торговцу симпатией. И добавил:

– Гори она совсем.

– Мы идем во Франкфурт через Стамбул, – Исмаил важно пригладил бороду и, глядя на черноволосого гиганта, елеино произнес: – Вы, как я вижу, ребята непростые. Как раз таких мне бы и надо... Присоединяйтесь к нам, скучать не будете, это я обещаю.

В голубых глазах сибиряка зажглось понимание.

– Охрана нужна? – деловито спросил славянин.

– Ну, типа... – начал было Исмаил, но славянин перебил его вторым, самым важным вопросом:

– Сколько?

– Подожди, Сварог, – решительно сказала девушка, и Исмаил в который раз подивился распушенности нравов в России, где женщине дозволяют вмешиваться в серьезную мужскую беседу. – Мы не собирались наниматься ни в какую охрану! Нам нужно спешить в Берлин, а из Франкфурта пока еще на машине....

Заметив, что слова спутницы заставили славянина заколебаться, Исмаил быстро проговорил:

– Я готов заплатить две штуки баков: штуку сейчас, и штуку по прибытии во Франкфурт.

– По две мне и моему другу, – уточнил сибиряк, а молчаливый Шамсудин лишь удивленно поднял узкие брови. – И кормежка за твой счет.

Исмаил кивнул, решив про себя, что в случае чего славянину придется отдуваться и за себя, и за своего малорослого товарища.

– Оставь эту затею, Сварог, – с едва заметной досадой произнесла девушка. – Из-за каких-то пары штук гринов...

– Да что ты в этом понимаешь, женщина?! – возмутился славянин, наклоняясь к ней. – Если у тебя квартира на Кутузовском, муж консул и куча денег, то это не значит, что ты можешь помешать двум классным парням честно срубить немного капусты... раз уж подвернулась такая оказия.

– В Берлине ты получишь гораздо больше. Но мы не должны медлить, ведь в консульском отделе ждать не любят, – девушка в раздражении забарабанила пальцами по пустой бутылке. Звук получился странный – точно ударяют не ногтями, а медной монетой. Исмаил невольно опустил взгляд на руки девушки – но она уже перестала трезвонить и сжала ладони в кулаки.

– Получу ли я что-нибудь в вашем Берлине – одному Богу известно, – славянин явно начинал злиться. – Пока ты лезешь из шкуры вон, наводя, – он длинно и заковыристо выругался, – мать его в душу – конституционный порядок – обещания так и сыплются, а как все закончилось – подарят какой-нибудь похабный орден и благодарность в придачу. Вся награда! Ну, еще, может, президент облобызает. А тут деньги верные, и делать ничего не нужно.

– У тебя на уме одни деньги, Сварог, – холодно сказала девушка и отбросила назад две толстые темно-каштановые косы, отчего вплетенные в них украшения жалобно звякнули.

– Да, потому что бесплатно в нашем мире тебя даже в могилу после смерти не зароят! – рявкнул сибиряк, и Исмаил невольно вздрогнул, решив, что гордой кареглазой девице сейчас не поздоровится. Но та, похоже, ничуть не испугалась вспышки ярости своего могучего спутника и лишь слегка усмехнулась.

– Послушай, Сварог, мы должны проводить Ирину... – тихо и рассудительно заговорил было Шамсудин, снизу вверх глядя на своего друга – но ему не дали закончить. Громкий выкрик славянина разбудил дремавшего за соседним столиком узбека, который, решив, что, попив, можно и попеть, нетвердой походкой направился к сидевшей рядом компании.

– Салам алейкум! – азиат обвел путников мутным взглядом и остановил его на Шамсудине. – Ва иллаха илла Аллах, Мухаммад расуль Аллах...петь будем, да... – узбек икнул и спросил прямо: – Что спеть-то?

– Знаешь, любезный, мы вовсе не нуждаемся в увеселении... – вежливо произнес Шамсудин, но азиат, свежо и пряно пахнувший ногами, шаурмой и водкой, лишь утвердился в своем заблуждении, что именно его песен господам и не хватает, рванул струны домры и заголосил на всю гостиницу:

– В белосте-е-енном Хоарезме, что ласка-а-аем синим морем, рос цветок мужской услады с нежным именем Зуле-е-ейна...

Орал он, как некормленный ишак, а домру не настраивали, наверно, лет десять.

– Титька тараканья, этого еще не хватало! – девушка с каштановыми косами в сердцах ударила ладонью по столу, и Исмаилу почудилось, будто ее ногти на миг стали раза в два длиннее обычных человеческих, словно вдруг из ножен высунулись пять острых кинжалов. Барыга на всякий случай осенил себя охранным знаком – но москвичка вновь сжала руку в кулачок, и теперь ее ногти выглядели не более устрашающе, чем у любой столичной модницы.

– Любезный, мы же тебе сказали, что... – терпеливый Шамсудин сделал вторую попытку.

– ... Но эмир сластолюбивый, разлучив Зулейну с ми-иным... – безжалостно продолжал узбек, терзая в поэтическом экстазе неповинную домру, – в свой гарем ее запря-а-атал, чтобы честь ее девичью...

– Вот про это, пожалуйста, поподробнее, – заинтересовался славянин, приготовившись слушать.

– Я его сейчас убью! – зашипела жена консула, и было непонятно, о ком она – о дурнопахнущем менестреле или своем черноволосом спутнике.

Шамсудин поднялся из-за стола и взглянул в упор на разошедшегося певца.

– Любезный, ты нас утомил, – очень тихо произнес он, и азиат мигом умолк. Потому что даже хмельной угар и упоение собственным искусством не помешали ему увидеть в глазах низенького вежливого путника, что чужая смерть для него – зрелище заурядное и даже приевшееся. Следовательно, одним неудачливым певцом больше, одним меньше – для этого спокойного господина значения не имело. Исмаил, которого невольно пробрал озноб от этого взгляда, решил, что поторопился с выводами о ненадежности казахского дипломатического корпуса, в котором есть такой замечательный вежливый военный атташе.

– Ну вот, на самом интересном месте, – проворчал славянин, когда протрезвевший сын степей убрался восвояси. – Мрачные же у меня попутчики – даже песен не любят...

– Ну, вообще-то что решаем? – напомнил о себе Исмаил, доставая бумажник.

– Благодарим за предложение, уважаемый, – вместо гиганта ответил его малорослый друг, – но шел бы ты лесом. В направлении болота. Понял, да?

Исмаил и Сварог одновременно открыли было рты – но Шамсудин посмотрел в глаза сначала одному, потом другому, и оба рта послушно закрылись. Худенькая девушка торжествующе улыбнулась, обнажив при этом остренькие белые зубки.

Исмаил понял, что наступил подходящий момент откланяться. В этой мысли его особенно укрепила внезапно выглянувшая из-под стола морда красноглазого бультерьера, похожая на плоскогубцы. Милая зверюшка строго взглянула на настырного «челнока» и вывалила из пасти широкий розовый язык.

Вернувшись за свой столик, Исмаил решил про себя – а, может, и к лучшему, что он не смог нанять этих людей для своего каравана. Не слишком-то уютно ехать в такой компании, где лишь один нормальный человек, да и тот – славянин.

* * *

Почтенный караванщик был прав только наполовину. Сварог из Киммерии был не только единственным нормальным человеком из троих путников. Он вообще был единственным человеком в этой маленькой компании.

Шамсудин, сын Гроина, был человеком лишь наполовину. Его мать была бритунийкой, отец – из рода подземных карликов-рудознатцев, звавших себя гномами и селившихся в туннелях под Кезанкийскими горами и Граскаалем. Как-то, расчувствовавшись (что с Шамсудином случалось нечасто), он поведал своему другу-северянину романтическую историю любви бритунской селянки и молодого гнома. Но чуждый сентиментальности славянин сделал из этого рассказа лишь один вывод: при отсутствии других претендентов дочери Иштар способны завязать шашни даже с нелюдем-малоросликом.

Доставшийся в наследство от отца небольшой рост Шамсудин с лихвой окупал безупречным владением практически любым оружием – впрочем, даже оно не всегда требовалось полугному, знающему тайные приемы, с которыми даже безоружный человек становится крайне опасным. Благодаря этому, а также несомненному уму и спокойному ровному нраву, карьера

Шамсудина в особо привилегированных частях армии владыки Илдиза была чрезвычайно успешной – до тех пор, пока щепетильная честность полугнома не помешала этому. В результате навета сослуживцев удачливый капитан гвардии султанапурского эмира в одночасье превратился в обыкновенного надзирателя на рудниках, куда туранские власти высылали преступников. Нетрудно догадаться, что именно там и состоялось его знакомство с Сварогом.

Сибиряк попал на рудники в самый разгар своих поисков магического сосуда Нейглама, святыни гномов и предмета вожделения некоторых весьма высокопоставленных людей. Неравнодушный к чаяниям народа своего отца, Шамсудин помог бежать славянину-авантюристу, но с условием, что найденный Сварогом Нейглам будет возвращен тем, кто имеет на него законные права. Сам Шамсудин также покинул теплое, но безрадостное место надзирателя, забрав из рудников на память о честной службе эмиру лишь маленького любимца – летучую мышшь-альбиноса, обладающую весьма строптивым нравом и на редкость противным голоском. Сколько раз за прошедшее время полугном пожалел о том, что связался с Сварогом – ведомо лишь ему одному. Но, даже после возвращения Нейглама гномам, Шамсудин и северянин не расстались, вместе покинув пределы Турана и отправившись на поиски новых неприятностей на свою голову.

Ирина, уроженка Рабирийских гор, что располагались на самой границе между Зингарой, Аргосом и Пуантемом, человеком не была вовсе. Она принадлежала к загадочному и почти исчезнувшему племени гулей, которые отличались от людей наличием длинных, втягивающихся при необходимости когтей, острых зубов, среди которых особенно выделялись клыки, а также тем, что для поддержания жизни им требовалась свежая кровь, желательна людская. Срок жизни гулей был намного больше человеческого, и Ирине, выглядевшей очень юно, на деле было не меньше сотни лет. Вдобавок, девушка-гуль обладала странным и редким умением – даром Сторожа. Хозяин, имеющий подобного раба, мог спать спокойно – Сторож слышал даже во сне, лезут ли в дом воры, умел отвести глаза бандиту или убийце, был способен заставить человека испугаться собственной тени или выронить оружие в самый неподходящий миг.

Но Ирина не была рабыней. Напротив, в Немедии она занимала прочное положение в обществе, имела немало привилегий и ни в чем не нуждалась. Всего этого она добилась, уже немало лет служа немедийской короне в Тайной Канцелярии, где необычайные способности девушки-гуля нашли достойное и щедро оплачиваемое применение. Ирина обрела свое место среди людей, отказавшись от привычек и традиций собственного народа и употребляя в пищу лишь кровь животных.

В захолустном заморийском городишке Дэлираме, где и произошла встреча Ирины с двумя странствующими авантюристами, она выполняла очередное задание немедийских властей, и умело воспользовалась помощью недогадливых друзей, обманутых ее скромной внешностью и тихими манерами. Под ее незаметным руководством Сварог и Шамсудин проделали существенную часть работы по раскрытию торговых махинаций с запрещенным порошком серого кхитайского лотоса, о чем они узнали лишь в самом конце. Теперь Ирина следовала в Берлин с докладом об успешно выполненной миссии, и славянин с полугномом ехали вместе с ней: Шамсудин – в расчете на достойное место на королевской службе, Сварог – с надеждой на щедрую награду. Но даже упование на вознаграждение не излечило уязвленную душу славянина, до сих пор не могущего придти в себя от мысли, что его, бывшего вора, пирата и наемника, обвела вокруг пальца какая-то девчонка, к которой, вдобавок, он был одно время равнодушен.

Избавившись от настырного караванщика, Шамсудин спокойно вернулся к прерванной трапезе. Мышь устроилась на плече своего хозяина, победоносно смотря оттуда блестящими глазками на окружающих. Сварог заскучал. Они собирались выехать завтра с рассветом, вследствие чего потребление горячительных напитков было строго ограничено дотошным полугномом, знающим на своем опыте, каково это – выгонять рано утром в дорогу мучающегося

похмельем славянина. Сыграть в кости здесь также было не с кем. Впрочем, денег у Сварога было немного, а единственную драгоценность – маленький мешочек с порошком лотоса, спасенный запасливым славянином от сожжения в Дэлираме вместе с остальной отравой, надо было еще кому-то продать.

От нечего делать Сварог принялся разглядывать посетителей. Его внимание привлекла хорошенькая девушка, по-видимому, недавно спустившаяся в общую залу гостиницы. Она сидела в самом углу, торопливо расправляясь с едой, и вид у нее был крайне измученный и растерянный. К ее боку прижалась девочка лет пяти, белокурая и голубоглазая. Богатая одежда ребенка явно указывала на то, что это не простые путники, а состоятельные дворяне. Сварог поискал взглядом слуг, мужа или приятеля молодой женщины – но никто из присутствующих даже не смотрел в сторону девушки с ребенком. Похоже, они ехали одни, что было очень странно.

Одинокую симпатичную девушку заметил не только Сварог. К ее столику развязной походкой приблизился один из коринфян – самый молодой и, по-видимому, самый наглый. Девушка испуганно взглянула на мужчину и судорожно прижала к себе ребенка.

– Что, красотка, скучаем? – небрежно спросил коринфянин, облакачиваясь на стол и нависая над девушкой.

Та что-то тихо ответила, умоляюще глядя на непрошеного кавалера. Девочка хмуро сверкнула на мужчину глазами из объятий молодой женщины и скривила пухлое личико в презрительной гримасе.

– Может, отпавишь эту крошку ее нянюшке, а мы с тобой займемся чем-нибудь более интересным? – не унимался парень, явно убежденный, что только полная дура не согласится на такое предложение.

Девушка вновь что-то убедительно заговорила, но ее задрожавшие губы ясно показывали, что ее мужество уже давно на пределе, и сил поставить на место нахала у нее нет.

В другое время Сварог предоставил бы право спасти эту девицу Шамсудину, которого лавашем не корми – дай совершить благородный поступок. Не то чтобы сам сибиряк был против благородных поступков – просто он считал, что ими не стоит увлекаться в ущерб делу. Однако сейчас у славянина имелась своя причина вмешаться в ход событий. Должен же он показать этой желтоглазой, когтистой и клыкастой интриганке, что на ней свет клином не сошелся, и многие женщины будут рады вниманию северянина. Покосившись на аккуратно нарезающую жареное мясо Ирину, Сварог поднялся и, пройдя через залу, оказался за спиной настойчивого ухажера.

– Ты что, приятель, не видишь – ты не нравишься госпоже. Так что отойди-ка подальше и не мозоль нам глаза, – миролюбиво заметил славянин, увесисто похлопав парня по плечу.

– Это кто здесь такой смелый, что... – запальчиво начал было коринфянин, оборачиваясь – и оказался нос к носу с черноволосым гигантом, чьи мышцы внушительно вырисовывались под курткой, а размер кулака вызывал уважение у любого драчуна.

– А, ну так бы сразу и сказал, что это твоя подружка, – радушно улыбнувшись, парень развел руками и испарился. Сварог ощутил невольное сожаление – он-то надеялся слегка поразмяться, но этот хлюпик, видимо, не собирался предоставлять для этого свое горячо любимое тело.

По-прежнему прижимая к себе ребенка, девушка растерянно смотрела на славянина, явно раздумывая, не безопасней ли ей было поладить с коринфянином.

– Если этот недоносок обидел тебя, госпожа – я еще могу догнать его и научить хорошим манерам, – предложил сибиряк, любезно улыбаясь девушке. Та робко улыбнулась в ответ.

– Я думаю, не стоит, – девушка, наконец, разжала объятия, и девочка ловко выскользнула у нее из рук и с интересом уставилась на славянина. – Наверно, он уже все понял.

– В таких, как он, понимание приходится вбивать, как гвоздь в доску, – философски заметил сибиряк. – Меня, кстати, зовут Сварог из Киммерии.

– Ильма, – представилась девушка, с неуловимым кокетством поправив прическу из густых каштановых волос. – А это моя дочь Ния.

– И в кого такая беленькая – в папу? – Сварог знал, что доверие матери можно завоевать, лишь изобразив интерес к ее чаду. Но Ильма, вместо того, чтобы пуститься в долгий и полный подробностей рассказ о своей дочурке, лишь молча кивнула. А девочка, спрыгнув со скамьи, подошла к усевшемуся на табурет Сварогу и требовательно произнесла:

– Дядя, дай кинжал посмотреть!

На поясе славянина в кожаных ножнах висел небольшой, но изящный кинжал – подарок шейха оазиса аль-Баргэми; клинок обладающий некими магическими свойствами, о которых сам Сварог постоянно забывал, используя колдовское оружие преимущественно для резки жаркого.

– Э... кинжал? – растерялся сибиряк. – Тебе нельзя, еще порежешься. Девочки должны играть в куклы.

– Вот сам и играй, – посоветовала малышка. – А я хочу кинжал.

– Ния! – строго воскликнула Ильма. – Веди себя прилично и не приставай к дяде!.. Она такая избалованная, – смущенно сказала девушка, обращаясь к Сварогу.

– Да, если б у нас в Киммерии ребенок попробовал так разговаривать со старшими – неделю бы сесть не смог, – ухмыльнулся славянин.

– А если б у нас в Немедии кто-то не дал мне кинжал – папа так бы его наказал, что он бы мне потом целый мешок кинжалов принес! – сообщила девочка, строго глядя на сибиряка круглыми голубыми глазами.

– Ния, да замолчишь ли ты наконец! – резко сказала Ильма и дернула девочку за руку так, что она чуть не упала. Ния показала Сварогу язык и вновь устроилась рядом с матерью.

– И где же наш грозный папа? – невзначай поинтересовался славянин. – Неужели он отпустил такое сокровище в путешествие без охраны и провожатых?

– На нас напали... в горах... – пробормотала Ильма и поежилась. – Все мои спутники погибли, удалось бежать только нам с Нией...

– Кто напал? – удивился Сварог. Боги, неужели Карела Ястреб вернулась домой и теперь вместе со своими головорезами околачивается где-то поблизости? Только этого не хватало...

– Не знаю... Какие-то разбойники, наверно... – хорошенькое лицо девушки опять приобрело испуганно-измученное выражение. – Я совсем не представляю, что мне делать...

– Присоединяйтесь к какому-нибудь каравану и возвращайтесь домой, – посоветовал Сварог. – Тут как раз есть караван, направляющийся в Германию.

– Мы не можем в Германию! – вскрикнула Ильма. – Нам надо в Коф!

– Караваны в Коф ходят через Арэнджун, – пожал плечами Сварог. – Но ехать так далеко женщине без спутников опасно, особенно в Заморе.

– Нам надо в Коф, – как заклинание повторила девушка, умоляюще глядя на северянина, словно в его силах было доставить их туда.

– В таком случае, нам не по пути, – развел руками Сварог и почти искренне добавил: – А жаль...

Тут северянин буквально почувствовал обжигающий взгляд Ирины, упершийся в его спину. Представив себе выражение ревности и досады на узком точеном личике девушки-гуля, Сварог испытал прямо-таки наслаждение. Изобразив торжествующую улыбку, Сварог медленно обернулся в сторону своей спутницы... и ухмылка на его лице увяла. Потому что внимательный взгляд рабирийки был направлен совсем не на своего бывшего возлюбленного, и даже не на его милостивую собеседницу. Во все глаза Ирина смотрела на ребенка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

– Нергал забери всех женщин, а рабириек – в особенности!

С крайне мрачным выражением лица Сварог трясся в седле позади каравана, глотая поднятую медлительными выючными лошадьми дорожную пыль. В данный момент славянин был готов скопом отправить всю прекрасную половину человечества куда подальше, не думая о том, сколько трудностей при этом возникнет у большинства взрослых здоровых мужчин. Впрочем, сибиряка можно было понять. Сначала эта вздорная девица Ирина, воспользовавшись поддержкой галантного Шамсудина, лишила Сварога двадцати золотых, не позволив наняться в охрану каравана. А посреди ночи та же Ирина подняла Сварога с постели и заставила тащиться в караван-сарай, чтобы сообщить забывшему спросонья удивиться Исмаилу, что они с радостью будут сопровождать его караван и согласны на любые условия. В результате пронырливый караванщик снизил их плату вдвое, но рабирийка и глазом не моргнула, хотя сердце Сварога при этом буквально облилось кровью. И теперь Ирина ехала бок о бок с невозмутимым как всегда полугномом впереди каравана, слегка опасаясь, Впрочем, приближаться к разгневанному ее неожиданными решениями и потерей десяти золотых славянину.

– Ты чем-то расстроен, Сварог?

Звонкий девичий голос вывел северянина из мрачной задумчивости. Рядом с ним на каурой смирной лошадке ехала Ильма, искоса поглядывая на Сварога. Молодая женщина вместе со своей дочкой присоединилась к каравану перед самым его отбытием из Шусфа. Видимо, поняла, что до Кофа ей одной не добраться – или ее в этом убедила вездесущая Ирина. По крайней мере, Ильма изменила свое решение после продолжительной беседы с рабирийкой, невесть как сумевшей пролезть к ней в доверие – правда, в этом девушке-гулю не было равных, в чем Сварог убедился на собственном горьком опыте.

– Просто некоторые уроженки некоторых гор крайне раздражают одного сибиряка, – хмуро сообщил Сварог, хлестнув поводом по крупу ни в чем не повинной лошади, на которую, Впрочем, это не произвело особого впечатления.

– Да, порой всякие чересчур много воображающие о себе особы бывают совершенно несносны, – заметила Ильма, с чисто женской интуицией догадавшись, какого ответа от нее ожидают. От такого взаимопонимания на душе у Сварога потеплело, и он мысленно позволил Нергалу оставить избранных представительниц противоположного пола в этом мире. Славянин покосился на маячившую впереди надменную спину Ирины и подмигнул Ильме. Та захихикала.

Сейчас Ильма была совсем не похожа на ту испуганную и измученную девушку, с которой Сварог познакомился в “Усталом путнике”. Казалось, все свои страхи и тревоги она оставила в Шусфе, и теперь выглядела легкомысленной и веселой, словно освободилась от тяжелого груза. Она без умолку болтала, смеялась, кокетничала со всеми попадающимися ей под руку мужчинами, и вообще вела себя мало подходящим для знатной замужней дамы образом. Больше она напоминала Сварогу обычную городскую девицу – портниху или служанку, с которой так приятно завести скоротечный и ни к чему не обязывающий романчик.

Пару раз Сварог из чистого любопытства попытался расспросить Ильму о ее жизни в Берлине, но девушка отвечала неохотно, и славянин так ничего толком и не узнал. Зато его собственные рассказы о приключениях, выпавших на долю сибиряка, Ильма слушала, затаив дыхание, и польщенный Сварог все чаще замечал в ее карих глазах нечто большее, чем просто восхищение его храбростью.

“Если этак пойдет и дальше, то папаша белокурой крошки украсится в скором времени ветвистыми рогами,” – подобная мысль очень скрашивала Сварогу скучное и ни чем не примечательное путешествие с караваном Исмаила. Быть может, это время настало бы даже очень

скоро, но походная жизнь в окружении множества людей не располагала к уединению, о чем славянин слегка сожалел, оглядывая стройную и соблазнительную фигуру молодой немедийки.

...Двигаясь размеренно и неторопливо, караван перевалил через Карпашские горы и, покинув небезопасную для мирных путников Замору, оказался в гостеприимной Коринфии. Как ни странно, никакие разбойники не покушались на перевозимый Исмаилом товар, и обрадованные такой удачей караванщики подстегивали тяжело нагруженных лошадей, стремясь поскорее добраться до приграничного коринфского города Эдеса, где располагалась местная таможня.

Утонувший в пыльной зелени Эдес казался таким же захолустным и унылым, как и оставленный несколько дней назад Шусф. Караванщики вяло переругивались с разомлевшими от жары и вина таможенниками, лениво осматривающими товар. Один из ревностных служителей заикнулся было, чтобы Сварог и Шамсудин предъявили на досмотр свои вещи, но сибиряк в ответ лишь молча поиграл мускулами и, дернув за рукав начавшего было открывать седельную сумку законопослушного полугнома, потащил его искать местную гостиницу или постоялый двор. Ирина со скучающим видом сидела в тени раскидистого платана, обмахиваясь бумагами, подтверждающими ее принадлежность к тайной немедийской службе – пятому Департаменту личной Канцелярии короля – и освобождающую рабирийку от любых таможенных досмотров. Ильма с дочерью скромно пристроились поблизости.

Осмотр каравана близился к концу, когда на дороге, прихотливой лентой уходившей к Карпашским горам, за клубилось вдали пыльное облако. Вскоре стал виден отряд всадников, во весь опор скачущих в сторону Эдеса. Караванщики встревожено загудели. Взглянув в растерянное лицо начальника эдесской таможни, Исмаил приказал своим людям собрать товары и лошадей и занять круговую оборону, прокляв неизвестно где шляющихся в нужный момент славянина и его друга-коротышку.

Всадников было немного, человек двенадцать, но в них с первого взгляда можно было угадать людей, привыкших решать дело силой. Они мало походили на обычных карпашских разбойников и выглядели скорее как наемники, во множестве бродящие в поисках заработка по дорогам от Западного океана до моря Вилайет. Впрочем, подобные отряды частенько не брезговали нападением на караваны, когда не могли найти богатого нанимателя. Поэтому Исмаил лишь крепче сжал в руке изогнутую дедовскую саблю и поручил свою душу Эрлику.

Пока эдесские таможенники суетливо бегали по двору кто в поисках своего оружия, кто укрытия, а их начальник срывал голос, выкрикивая бесполезные команды, неизвестные всадники уже осаживали лошадей прямо посреди всеобщей суматохи. Их командир, высокий мужчина с заливчатски закрученными рыжими усиками, спрыгнул с коня и направился напрямик к Исмаилу, не обращая ни малейшего внимания на направленное ему в грудь лезвие сабли.

– Нам известно, что с вашим караваном следуют немедийская женщина с ребенком, – не проявив никаких признаков вежливости, холодно сказал рыжеусый. – Где они?

Исмаил поднял саблю повыше и неловко попытался ткнуть ею в бандита.

– Да убери ты свою железку, – поморщился тот. – Твои товары нам даром не нужны. Мы ищем только женщину и ребенка. Выдашь их нам – поедешь дальше целым и невредимым.

Исмаил задумался. С одной стороны, госпожа Ильма заплатила за свое место в караване достаточную сумму, чтобы надеяться на честность Исмаила. К тому же, краем уха он слышал, что она – Берлинская дворянка, и если Исмаил отдаст госпожу каким-то лихим людям, то ее разгневанные родственники могут сильно осложнить жизнь простого туранского караванщика. Но, с другой стороны, ее могущественные родственники Эрлик знает где, а бандит – вот он, рядышком, топорщит свои тараканьи усы, а на боку у него добрый меч, и владеет он им куда лучше, чем Исмаил своей старой саблей. ... А деньги госпожи он, в конце концов, может пожертвовать одному из Берлинских храмов Митры – Эрлик не обидится, он поймет.

– С нами действительно едет некая госпожа с дочерью, о храбрейший воин, – степенно заговорил Исмаил, сделав знак своим людям опустить оружие, которые выполнили этот приказ с большим энтузиазмом. – Не знаю, они ли вам нужны, но...

Исмаил было обернулся, чтобы указать рыжеусому на платан, под которым он недавно видел Ильму – но там уже никого не было, и караванщик растерянно замолчал, не зная, что сказать.

– Ну?! – грозно воскликнул предводитель отряда.

– Они были там, но сбежали, – быстро ответил Исмаил, ткнув пальцем в сторону дерева и про себя надеясь, что женщина успела хорошенько спрятаться, и ему не придется брать грех на душу.

Рыжеусый махнул рукой своим людям, и те рассыпались в разные стороны в поисках беглянки. Начальник таможни робко приблизился к командиру отряда и попытался было выяснить, в чем дело, но, поймав взгляд холодных светлых глаз рыжеусого, почел за благо позволить событиям развиваться без его участия.

Вскоре послышался женский визг, указывающий на то, что немедийку все-таки нашли. Один из подчиненных рыжеусого выбрался из караван-сарая, ведя с собой рыдающую Ильму. Другой бандит тащил под мышкой белокурую девочку, мрачно глядящую из-под его руки круглыми голубыми глазами.

– Да, это они, – только и сказал командир отряда, мельком взглянув на женщину и ребенка. Ильма тщетно озиралась по сторонам в поисках подмоги – все лишь отводили глаза, не решаясь спорить с уверенными в себе наемниками. В чужие дела влезать – себе дороже, а кто не усвоил эту мудрость – давно прогуливается по Серым Равнинам.

– Капитан Ригель, давно ли ты променял службу при дворе на плащ наемника? – раздался вдруг спокойный девичий голос. Командир отряда заметно побледнел и, растерянно заморгав рыжими ресницами, оглянулся. Мягкой походкой к нему приближалась Ирина, глядя на него своими желтыми кошачьими глазами.

– Госпожа Ирина? – самоуверенности в рыжеусом явно поубавилось. – Никак не ожидал встретить тебя здесь...

– Но все-таки встретил, – жестко прервала его девушка, и Исмаил лишь восхищенно крякнул, любясь вытянувшейся физиономией рыжеусого. Тому явно хотелось выругаться, но он не решался.

– Никогда не поверю, что ты добровольно покинул теплое место в Берлине, – в голосе Ирины появились вкрадчивые нотки. – Быть может, тебе наконец припомнили тот небольшой промах, допущенный в деле барона Кернера?..

– Думаю, нам стоит поговорить с глазу на глаз, – нервно сказал Ригель и махнул рукой своим людям, чтобы те отошли подальше. До Ирины донеслось: “И что это капитан цацкается с какой-то бабой?” “Дурак, ты что, не понял – это же ишейка из Тайной Канцелярии, так что придержи язык, если дорожишь своей шкурой!” Девушка победно усмехнулась и привычным жестом откинула назад свои роскошные косы.

– Могу сообщить тебе, госпожа, что мы получили приказ разыскать эту женщину с ребенком и доставить их в столицу, не слишком афишируя при этом свою принадлежность к немедийской армии, – Ригель вновь обрел прежнее самообладание. – Больше я ничего сказать не могу – даже тебе, уважаемая Ирина, – и капитан тонко улыбнулся.

– Не можешь, потому что не знаешь, – ответная улыбка девушки была не менее тонкой. – Исполнителям вроде вас обычно не сообщают и трети всех сведений. Знание – удел служащих Канцелярии.

– Я знаю достаточно, чтобы выполнить приказ, – уязвлено заявил Ригель.

– А ты уверен, что этот приказ уже не выполнен? – невинно поинтересовалась Ирина.

Капитан сдвинул редкие рыжеватые брови, и от умственных усилий на носу его явственно проступили веснушки.

“Хитрая стерва!” – подумалось капитану.

“Рыжий осел!” – мелькнуло в голове девушки.

– Если госпожа имеет в виду, что она... – осторожно начал Ригель.

– Имеет, – любезно прервала его Ирина. – Если бы в Берлине надеялись только на военных – Немедии давно пришел бы бесславный конец. Поиски были поручены не только тебе, дорогой Ригель, и случилось так, что мы справились с этим лучше.

“Наглая выскочка!” – сказали глаза капитана.

“Безмозглый солдафон!” – ответил взгляд Ирины.

– Но я гонялся за этой девкой, Сет ее заberi, семь дней! – в сердцах воскликнул капитан. – Почему теперь я должен отдавать ее вам?

– Потому что мои полномочия гораздо значительней твоих, месьор Ригель, – рабирийка протянула капитану пергамент. – Можешь убедиться. Надеюсь, печать тебе знакома? Впрочем, у меня есть еще кое-что... – и девушка показала несколько оторопевшему капитану массивный золотой перстень-печатку с крылатым драконом – символ высшей военной власти в Немедии.

“Чтоб тебя демоны сожрали!” – злобно подумал Ригель.

– И тебе того же, милейший капитан, – добросердечно сказала Ирина.

– Ладно, на сей раз ваша взяла, – неохотно признал Ригель. – Надеюсь, в Берлине ты, госпожа, объяснишь, почему я вернулся ни с чем?

– Охотно, месьор капитан, – весело проговорила девушка. – Я думаю, тебя и твоих людей даже наградят за проявленное усердие. А теперь отпустите своих пленников – и расстанемся по-доброму.

Быть может, капитан действительно расстался бы с Ириной по-доброму. Но ему помешали. Внезапно окружающая караван-сарай деревянная ограда грозно затрещала, и во двор лихо спрыгнул Сварог, воинственно размахивая своим мечом.

* * *

Поплутав по пыльным кривым улочкам Эдеса и не встретив ничего интересного, кроме тощего облезлого пса, Сварог и Шамсудин набрали, наконец, на небольшую таверну, в которой было совершенно пусто.

– Я начинаю думать, что этот городишко населен призраками, – пробурчал Сварог.

На их энергичный продолжительный стук явился хозяин заведения, чьи челюсти прямо-таки раздирали зевота. Даже появление посетителей не вдохнуло жизнь в его сонные маленькие глазки.

– Эля нет, аргосское вчера кончилось, кухарка сегодня не работает... – с ходу начал хозяин, привалившись к стойке и вяло почесывая упитанное брюхо.

– Подожди, любезный, – прервал его Шамсудин. – Можно ли переночевать в твоём заведении?

– Отчего ж нельзя, – лениво ответил хозяин. – Только у меня всего одна свободная комната, две другие заняты. И потом, эля нет, аргосское...

– Я понял, – в голосе туранца прозвучал оттенок раздражения. – И сколько кроватей в этой комнате?

– А кто его знает, – пожал плечами хозяин. – Раньше было две – так их, может, уже сломали... И потом, эля у нас нет...

– Пошли отсюда! – заявил выведенный из себя Сварог. – Найдем что-нибудь получше.

– А вот это вряд ли, – покачал головой хозяин. – Кроме моей таверны, в Эдесе других заведений нет. Был один кабачок, так его два года назад сожгли.

– Если он был похож на твой, я очень даже могу понять поджигателей, – пробормотал сибиряк.

– Ладно, мы согласны на эту комнату, – решил Шамсудин. – Пусть там приберут, мы скоро вернемся... Здесь можно куда-нибудь пристроить наших лошадей?

– На заднем дворе есть конюшня. Только там прошлой зимой крышу разобрали – а новую так и не собрались положить... – хозяин зевнул и с хрустом расправил плечи.

– Эй, подожди, – встревожено обратился Сварог к другу, – ты что, собираешься здесь ночевать? Мало того, что это опасно для жизни – как же мы поместимся все в одной комнате?

– Одну ночь придется потерпеть, – миролюбиво ответил Шамсудин. – Не впервой ведь. В любом случае, Ирина ляжет на кровати, а мы с тобой бросим жребий, кому спать на полу.

– А если этот жребий достанется мне? – с упреком сказал Сварог. – И потом, нас же не трое, а четверо, – и, встретив недоуменный взгляд Шамсудина, сибиряк пояснил: – Не можем же мы бросить госпожу Ильму в этом мерзком караван-сарая с грубиянами-караванщиками! Так что нам нужны две комнаты.

– О, действительно, о госпоже Ильме и ее дочери я и не подумал, – смутился туранец и одобрительно сказал: – Я считал, Сварог, что хорошо знаю тебя – но сейчас ты меня удивил. Не предполагал, что ты можешь так заботиться о чужой тебе женщине...

Если бы Сварог был на это способен, сейчас бы он покраснел. Потому что им руководила вовсе не бескорыстная забота о хорошенькой немедийке.

– Тогда нам с тобой придется переночевать в караван-сарая, а Ирина и госпожа Ильма займут эту комнату, – подытожил Шамсудин.

– Ну нет, – возмутился Сварог. – Тащиться ночью через весь город...

– Зачем тебе куда-то тащиться ночью? – удивился туранец.

Сварог вздохнул. Он уже знал, что умный и безжалостный Шамсудин в некоторых вопросах был не по возрасту наивен.

– Кто занимает две других комнаты? – деловито обратился Сварог к успевшему уже задремать прямо стоя хозяину.

– Одну – какой-то паломник из Хаурана, другую – шадизарский судья, – лениво ответил хозяин, которого, видно, мало беспокоила судьба постояльцев.

– Я уверен, они здорово скучают в этой дыре и будут только рады поселиться в одной комнате и поболтать по душам, – энергично сказал сибиряк. – Пожалуй, я подброшу им эту идею.

– Ну-у... – начал было Шамсудин, но его стремительный друг уже взбегал по немилосердно скрипящей лестнице наверх, где ничего не подозревающие паломник и судья еще наслаждались своим скромным отдыхом. Вскоре там раздался грохот, что-то разбилось и пару раз кто-то позвал на помощь. Шамсудин бросил извиняющийся взгляд на хозяина таверны, но тот даже с некоторым интересом прислушивался к происходящему наверху.

– Ну вот, они с радостью согласились пожить вместе, – сообщил Сварог, спускаясь на первый этаж. – Я даже помог судье перенести вещи. Теперь у тебя две свободные комнаты, и ты можешь сдать их нам, – Сварог дружески хлопнул хозяина таверны по мясистому плечу.

Назад к караван-сарая Сварог возвращался в наилучшем расположении духа. Все устроилось замечательно, они с Ильмой будут ночевать в соседних комнатах. Осталось только спроводить куда-нибудь Шамсудина или Ирину, а также отделаться от девчонки, и тогда...

Внезапно шедший рядом полутном ощутил ткнул славянина в бок, заставив того остановиться. Сквозь неплотно пригнанные доски ограды, окружающей двор караван-сарая, было видно, как какие-то подозрительные люди, загнав в угол перепуганных караванщиков и местных служителей закона, шныряют повсюду с явным намерением кого-то найти.

– Что-то случилось, пока нас не было, – встревожено сказал Шамсудин.

– Сам вижу, – пробурчал Сварог. – Интересно, кого они ищут – не нас ли?

– Я бы не удивился, – со вздохом проговорил туранец, уже привыкший к тому, что с Сварогом всегда надо ожидать худшего, и внимательно оглядел двор.

– Их двенадцать человек верхами и с оружием, – подсчитал Шамсудин. – Правда, они пока никого не убили... Подожди-ка здесь, я подберусь к воротам и попробую разузнать, что там происходит. Может, все еще и обойдется.

Туранец удалился, ступая мягко, точно кошка, а Сварог, привалившись плечом к забору, принялся наблюдать. Вдруг послышался женский визг, и сибиряк увидел Ильму, которую бесцеремонно тащил за собой один из незнакомцев. Другой нес следом ее маленькую дочку.

Сварог нахмурился. Он так славно все устроил, раздобыл две комнаты – а теперь девушку, ради свидания с которой все и затевалось, уводят у сибиряка прямо из-под носа! Зря он, что ли, разбил чернильницу из зингарийского стекла над головой славного, в общем-то, старика-судьи? Сварог почувствовал, что в его душе закипает гнев на этих невесть откуда взявшихся чужаков, решивших расстроить сердечные дела северянина. Появление Ирины, вступившей в беседу с рыжеусым надменным мужчиной, по-видимому, главарем этих людей, нисколько не утешило Сварога. Кто знает, какие коварные планы лелеет рабирийка в отношении соперницы!

– Пока там Шамсудин вынюхивает да разузнает, я, пожалуй, останусь без подружки, – пробормотал сибиряк и окончательно утвердился в своем намерении действовать без промедления.

С оглушительным гиканьем Сварог преодолел деревянный забор, едва не повалив его, и в несколько прыжков оказался посреди врагов. Кажется, Ирина что-то кричала ему – но киммерийцу было некогда прислушиваться. Свалив ударом меча одного из оторопевших похитителей и кулаком разбив переносицу другому, Сварог схватил взвизгнувшую Ильму за руку и поволок ее за собой к лошадям. Девушка вырывалась и что-то кричала, но до Сварога не сразу дошло, что она зовет своего ребенка.

– Кром, забыл!

Отпустив Ильму, Сварог бросился вслед за человеком, держащим Нию. Тот в растерянности топтался на месте, не зная, что ему делать – увозить девочку или помочь своим соратникам в схватке с славянином. Сварог разрешил его сомнения, приложив противника точным ударом в челюсть и выхватив из обмякших рук непривычно тихую Нию. Выполнив задуманное, Сварог готов был отступить, но ему не позволили. Оправившиеся от первого потрясения чужаки уже выхватили из ножен оружие и стягивались кольцом вокруг сибиряка. Правда, их было всего семеро – но они считали, что этого достаточно, и Сварог был склонен с ними согласиться.

– Стой здесь! – Сварог поставил девочку на землю и прижался спиной к росшему посреди двора раскидистому платану. Взревев для поднятия боевого духа, сибиряк обрушил свой меч на первого, осмелившегося сделать выпад в его сторону своим скромным эстком. Противник парировал удар, но его эсток переломился у эфеса, и пока враг с удивлением рассматривал зажатую в его ладони филигранную рукоять, Сварог беспрепятственно отправил его на встречу с Нергалом. Остальные шестеро были более осторожны и кружили вокруг сибиряка, точно собаки возле медведя, ожидая, когда славянин ослабит бдительность, и можно будет нанести удар. Сварог уже решился было первым начать атаку, когда позади одного из его противников зловеще блеснуло узкое лезвие, и парень даже не успел ничего понять, как присоединился к своему неудачливому товарищу. Пятеро оставшихся в живых обернулись – но Шамсудин сделал красивый пируэт, и их стало на одного меньше.

– Сварог, бери ребенка и беги к лошадям!

Не заставив себя долго упрашивать и зная, что полугном способен постоять за себя, сибиряк подхватил Нию, послушно стоявшую все на том же месте, и помчался к коновязи, где Ирина торопливо отвязывала их скакунов, а очень бледная Ильма нервно всхлипывала. Подсадив немедийку на лошадь и вручив ей ребенка, Сварог вскочил на своего коня и, взяв в руку повод лошади Шамсудина, галопом пронесся через двор к тому месту, где полугном сражался с нападающими врагами. Ловко отбив удар, туранец быстро взобрался в седло, и вся четверка устремилась к распахнутым воротам караван-сарая.

– Ведьма, ты мне за это заплатишь! – с ненавистью крикнул рыжеусый, благоразумно воздержавшийся от участия в драке, вслед удаляющимся путникам.

Хотя их никто не преследовал, всадники остановили своих коней, лишь отъехав на порядочное расстояние от Эдеса. Сварог вытер пот со лба и открыл было рот, чтобы задать вопрос – как натолкнулся на яростный взгляд желто-карих глаз рабирийки.

– Ты, грязный славянин, недоумок, мужлан, тупая скотина! – зашипела Ирина, и на ее скулах заиграли алые пятна. – Почему ты вечно суешься, куда тебя не просят?!

– А вот насчет скотины – это ты зря, – с упреком сказал Сварог.

– Это еще слишком нежное прозвище для тебя! – гневно закричала девушка. – Ты хоть иногда думаешь головой, прежде чем начать махать своим куском железа? Ты все испортил!

– Ничего себе! Я рисковал жизнью, чтобы спасти вас – и в ответ слышу площадную брань! – возмутился сибиряк. – И что, интересно, я испортил, кроме физиономий нескольких недостойных людишек?

– Ах, ты нас спас? Может, ты бы сначала поинтересовался, грозит ли нам что-нибудь? – насмешливо произнесла Ирина. – Я поговорила с предводителем этого отряда, который оказался моим старым знакомым, и он согласился отпустить Ильму и девочку. Мы могли совершенно спокойно ехать, куда нам заблагорассудится, пока ты не вмешался, Нергал тебя заberi! – девушка сердито взглянула на Сварога. – Теперь, когда вы покروшили ни с того ни с сего несколько немедийцев, нас могут обвинить в убийстве и вздернуть на одной из площадей Берлина! А главное – моя карьера теперь под угрозой! И дернул же меня демон связаться с такими недоумками! – с отчаянием воскликнула Ирина.

– Откуда мне было знать, что среди твоих знакомых встречаются даже разбойники и похитители людей! – раздраженно сказал сибиряк. – Подумаешь – в убийстве обвинят! На мне таких обвинений с полсотни висит – и ничего, не вздернули, как видишь.

– Когда-нибудь вздернут, – мрачно пообещала Ирина. – Я поспособствую!

– Послушайте, не ссорьтесь, – примирительно заговорил Шамсудин. – Сварог действительно хотел, как лучше. Не его вина, что он немного поторопился...

– Немного! – скривила узкие губы Ирина.

– Мне вот что интересно, – продолжил полугном, – кто были эти люди, и зачем они охотились за госпожой Ильмой? – туранец вопросительно посмотрел на немедийку, прижимающую к себе ребенка. Та бросила взгляд на Ирину и растерянно улыбнулась.

– Это люди ее отца, некоего барона, – решительно сказала рабирийка. – Он ищет свою дочь с внучкой... Ильма, ты не против, если я расскажу? – спросила Ирина и, не дожидаясь ответа девушки, пояснила: – Обычная история. Барон решил выдать замуж дочь, не считаясь с ее чувствами. Просьбы и слезы не помогли, и тогда она решила бежать к родственникам в Коф, надеясь таким образом избежать ненавистного брака. В горах нанятых ею слуг перебили люди барона, посланные стариком по следу дочери, и Ильма не знала, что делать. Так получилось, что я знакома с ее отцом, да и ее видела несколько раз на придворных балах...

Тут Ильма хихикнула, но, смутившись, опустила голову.

– В Шусфе мы с ней узнали друг друга, и я решила помочь девушке, – закончила Ирина.

– Почему же мы везем госпожу Ильму обратно в Берлин? – с недоумением сказал Шамсудин. – Разумней было бы помочь ей добраться до Кофа...

– Я знаю, что делаю, месьор, – церемонно произнесла рабирийка. – Я сумею спрятать Ильзу в Берлине так, что даже отец не найдет ее. А потом, глядишь, все уладится, и не придется ехать в далекий Коф.

– Ну и правильно, – одобрил Сварог, подумав про себя, что старый барон в чем-то прав, решив приискать для бойкой дочки, прижившей на стороне ребенка, строгого мужа.

Шамсудин задумчиво покачал головой, но если у полугнома и возникли какие-то сомнения, он не поведал их своим спутникам.

– Ну так что, в Берлин? – нетерпеливо спросил сибиряк.

Ирина ожгла напоследок славянина сердитым взглядом и вонзила шпоры в бока лошади.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

О, Берлин, крепкостенный и многолюдный! Не одну сотню лет лелеешь ты корону Немедии и внушаешь единый трепет и друзьям, и врагам силой и грозностью своей. Суровы Немедийские горы, и суров облик твой, город, построенный из серого гранита и белого мрамора!

Впрочем, столь цветисто обратиться к столице Немедии мог только путешественник из стран Восхода, обладающий поэтическими наклонностями и сытым желудком. Сами немедийцы относились к Берлину с прохладцей, ибо славился он своими грязными улицами и ловкими карманниками, а также тем, что там проживают самые спесивые вельможи, самые грубые сборщики налогов и самые дорогие шлюхи во всей Немедии.

Сварогу ранее доводилось бывать в Берлине. Четыре года назад, будучи контрабандистом, он даже удостоился чести быть нанятым некими высокопоставленными особами для выполнения щекотливого поручения, которое нельзя было доверить законопослушным гражданам. Правда, к его выполнению Сварог подошел несколько творчески, что совсем не оценили наниматели, и, в итоге высокопоставленные особы и сибиряк расстались не совсем в дружеских чувствах.

– Ох, наконец-то я смогу принять ванну и выспаться в мягкой постели без клопов! – с наслаждением простонала Ирина, когда они миновали ворота города. – Больше всего во время моих заданий меня угнетает жизнь без всяких удобств.

– Я слышал, знатные дворяне, если им золотой горшок не подадут, и облегчится не могут? – невинно поинтересовался Сварог. Ильма прыснула в кулачок, а Ирина нахмурилась и бросила на девушку сердитый взгляд.

– Есть вещи, которые нецивилизованному человеку вроде тебя не понять, – холодно произнесла рабирийка. – Говорят, славянины и моются-то лишь тогда, когда приходится реку вброд переходить.

– Что ж, придется поискать здесь реку, – хмыкнул Сварог.

Шамсудин вздохнул. Всю долгую дорогу от Дэлирама до Берлина Ирина и Сварог постоянно старались уязвить друг друга, порой переходя на откровенную ругань, что отнюдь не облегчало жизнь их спутникам. Полугном никак не мог понять, каким образом нежные взаимоотношения рабирийки и славянина так быстро выродились во взаимную войну. Сам туранец нисколько не обиделся на девушку-гуля, хитро использовавшую двух друзей в своих интересах. Видимо, у гномьего народа была своя, особенная гордость, которую не ранили подобные вещи.

– Скоро мы доедем до твоего дома, Ирина? – как ни в чем не бывало спросил Сварог. – А то у меня живот подвело, как есть охота. Надеюсь, твой повар прилично готовит?

– Прилично. Только тебе это не поможет, – не без торжества заметила Ирина.

– Это почему? – поднял брови славянин.

– Потому что вы остановитесь на постоялом дворе, – сообщила рабирийка. – Или ты надеялся, что я приглашу вас в гости после того, что вы натворили в Эдесе? Я в Берлине на хорошем счету и не хочу иметь неприятностей с законом.

– Вот, значит, как, – зловеще процедил Сварог. – Когда тебе это было надо, ты не возражала, чтобы мы шли против закона. А теперь, оказывается, такие бандиты, как мы, недостойны водить компанию с честной дворянкой! Если б я уважал закон, ты бы и посейчас сидела в той клетке! Оттуда я тебя вытащил не настолько давно, чтобы ты уже забыла об этом!

– Не горячись, Сварог, ты не так понял Ирину, – Шамсудин положил руку на плечо друга. – В Эдесе мы действительно погорячились, и теперь нам лучше затаиться и не привлекать к себе внимание. Двое таких бродяг, как мы с тобой, в квартале знати будут выделяться, как ястребы в курятнике. Следовательно лучше нам устроиться в гостинице, среди обычных людей.

– Именно это я и имела в виду, – согласилась Ирина. – И в следующий раз, Сварог, когда тебе захочется с кем-нибудь подраться, сначала сосчитай до десяти и подумай, нужно ли это кому-нибудь... А, вот здесь вы и поселитесь!

Гостиница называлась очень необычно: “Королевский плот”. Говорили, что хозяин, движимый верноподданническими чувствами, собирался назвать свое заведение “Королевский оплот”, да цензоры из Канцелярии не разрешили, заявив, что королевским оплотом является доблестная немедийская гвардия, а никак не грязный кабак. Но вывеска была уже готова, и владелец гостиницы, чтобы не заказывать новую, просто стер в надписи одну букву, изменив неуютное чиновникам название на вполне нейтральное, хотя и насквозь бессмысленное.

– Мой дом находится отсюда на достаточном расстоянии, чтобы я могла быстро найти вас в случае необходимости и при этом ночью не слышать твоего храпа, Сварог, – сообщила Ирина. – Ну, вы пока отдыхайте, а мы с Ильмой поехали...

– Как – с Ильмой! – заволновался сибиряк. – Ты собираешься забрать ее с собой?

– Не беспокойся. Я знаю несколько надежных мест, где можно спрятать ее и ребенка, – ответила Ирина и повернулась к девушке. Ильма покорно наклонила голову, но украдкой бросила из-под темных ресниц призывный взгляд на славянина. Это вдохновило сибиряка на борьбу за свое личное счастье.

– Послушай, Ирина, так ли ты уверена в надежности этих мест? – вкрадчиво заговорил Сварог. – По-моему, самое безопасное место – там, где есть два таких добрых меча, как мой и Шамсудинов. Никто не будет искать дочь барона в дешевой гостинице, а если и попытается – мы доходчиво объясним соглядатаю, что он ошибся.

Ирина на несколько мгновений задумалась, сдвинув тонкие, изящно выгнутые брови, и наконец кивнула:

– Хорошо, пусть Ильма и девочка остаются с вами. Но вы отвечаете за них головой! – Ирина твердо взглянула в глаза славянина и полугнома.

– Не командуй, женщина, – поморщился Сварог. – С нами – как за каменной стеной, тебе ли об этом не знать.

– Во всякой стене существуют ворота, – туманно ответила Ирина и, кивнув на прощанье, подхлестнула свою усталую лошадь.

– О Иштар, какая спесь! – развела руками Ильма, когда рабирийка отъехала на порядочное расстояние. – Даже королева Рэля держится гораздо скромнее.

– Ты знакома с королевой Немедии? – удивился Шамсудин.

– Да, и очень близко, – не без гордости сообщила девушка. – Она очень благородная и добрая дама, всегда приветливая даже со слугами. Однажды она подарила мне свое платье... – Ильма внезапно вспыхнула и замолчала, поймав испытующий взгляд слегка раскосых глаз Шамсудина.

– Что, твой старик-барон и тряпок тебе не покупал? – добродушно усмехнулся Сварог. – Ничего, вот дадут мне обещанную награду – пойдем с тобой в лавку, выберешь себе любое платье!

Ильма ответила славянину признательной многообещающей улыбкой, и Сварог погрузился в приятные мечты, поэтому договариваться с хозяином “Королевского плота” о комнатах и обеде пришлось не столь подвластному плотским устремлениям и до отвращения вежливому Шамсудину.

Ильма осталась в своей комнате укладывать усталую и потому раскапризничавшуюся Нию, а Сварог и Шамсудин спустились в общий зал. На хозяина гостиницы полугном произвел неизгладимое впечатление, усилившееся от знакомства с его мышью, поэтому обед был добротный и вкусный. В дальнем углу зала небольшая компания азартно резалась в кости, оттуда доносились радостные выкрики попеременно с ругательствами. Насытившийся Сварог все чаще поглядывал в ту сторону, побрякивая истопившимся за время пути кошельком. Перехватив

направленный на игроков взгляд сибиряка, Шамсудин привычно вздохнул и принялся подсчитывать, сколько дней они смогут продержаться вдвоем на деньги полугнома. Но судьба, явившаяся в виде обтрепанного однорукого нищего, просившего милостыню у посетителей “Королевского плота”, спасла друзей от разорения.

– Сварог! – вдруг радостно воскликнул нищий, приближаясь к столику славянина и полугнома. – Снова в наши края? Давно о тебе здесь не слыхивали!

Сибиряк уставился на калеку непонимающим взглядом.

– Не узнаешь? – догадался нищий. – Я же Вонючка Пфундс. У Карелы работал, неужели не помнишь?

Лицо Сварога выразило попеременно напряженную работу мысли, погружение в воспоминания и, наконец, радость узнавания.

– Вонючка! – заорал славянин, заставив обернуться в свою сторону всех сидящих в зале. – Ну конечно! Мог заговорить зубы любому стражнику, пока ребята перетаскивали товар... Правда, тогда у тебя были две руки.

– Увы, да, – вздохнул Пфундс, вытянув обмотанную тряпками культю. – Во время одного дельца мне не повезло, и злыдень-таможенник оттяпал мою правую клешню. Парни, конечно, намотали ему кишки на уши – да руку-то уже не вернешь. Пришлось уйти из шайки и заняться более спокойным ремеслом, – Вонючка одернул свою пыльную хламиду и церемонно сообщил: – Теперь я член правления Сообщества нищих Берлина и предместий, отделение безногих и безруких.

– Неплохая карьера, – одобрил Сварог.

– Да, место денежное, – подтвердил Пфундс. – А ты чем занимаешься?

– Да тем, что подвернется, – честно ответил славянин. – Вот, познакомься – мой друг Шамсудин, сын Гроина, из Турана. Весьма достойный человек, в гвардии владыки Илдиза служил, – и Сварог похлопал по плечу полугнома, скорбно смотрящего на очередного подозрительного приятеля сибиряка.

– Друзья Сварога – мои друзья, – торжественно сказал Пфундс. – Запомни, Шамсудин, если что – обращай к нам. Помощь всего Сообщества обещать не могу, но отделение безногих и безруких всегда тебя поддержит.

– Очень любезно с твоей стороны, – выдавил из себя туранец, которому физиономия нищего живо напомнила его недавнее ремесло надзирателя.

– Сварог, а помнишь Карелу? Зверь-баба была! И, не в обиду тебе будь сказано, не слишком тебя жаловала, – доверительно произнес Вонючка.

– Да и я ее тоже, – проворчал славянин. – В делах она толк знала, но слишком много о себе мнила, а это может привести к большим неприятностям.

– И привело, – кивнул Пфундс. – Угораздило ее перейти дорогу Большому Эрдеку. А он не посмотрел, что баба, раз – и готово, – и Вонючка выразительно провел большим пальцем по горлу. – Хотя мы ее предупреждали...

– Женщину предупреждать бесполезно, пока сама не нарвется, – хмыкнул Сварог. – А помнишь, Пфундс...

И оба приятеля погрузились в воспоминания, от которых за лигу пахло разбоем, контрабандой и прочими противными закону авантюрами. Шамсудин рассеянно поглаживал выползшую на его плечо мышь и вспоминал сытую и спокойную жизнь на рудниках.

– Знаешь, Сварог, дела наши в последнее время не очень, – неожиданно посетовал Вонючка.

– Это почему? – из вежливости поинтересовался славянин.

– Да в Берлине что-то странное происходит, – принялся охотно объяснять Пфундс. – Тюрьмы переполнены, казни, почитай, каждый день, на главные посты Немедии каких-то без-

вестных людишек поставили. Даже генерала Хертена, которого народ так любил, обвинили в измене и прилюдно голову снесли... Ну, и все в том же духе.

– Похоже на большую чистку, – со знанием дела сказал Шамсудин. – Владыка Илдиз тоже так иногда поступал – после раскрытия заговора или поражения в войне.

– Во-во, – закивал Пфундс. – Но у нас-то войны не было, да и в заговор с трудом верится. Все, вроде, нормально шло, а тут король Немед направо и налево своих самых преданных людей в чем попало обвинять начал. И пошла катавасия. Теперь любого по доносу схватить могут как заговорщика – и поминай, как звали. Ну, народ и забеспокоился, боятся. А раз боятся – подают нам меньше. Мы ведь от перемен в политике тоже зависим, – вздохнул Вонючка. – А недавно, представьте – королеву в темницу заточили! Немед, понятно, ей всегда изменял, но чтоб жену, да в Каземат – это слишком! Объявлено было, что она хотела мужа отравить и регентшей при наследнике стать – только кто в это поверит? Королева Рэля тихая да скромная женщина, нищим всегда щедро подавала – такая худого не замыслит.

– А, может, ваш Немед... того? – Сварог выразительно постучал себя по голове. – С царствующими особами это нередко бывает.

– Да непохоже, – пожал плечами Пфундс. – Он тут на днях с речью к народу обращался, призвал быть верными короне и искоренять мятежников – так вроде такой же, как и раньше, совершенно нормальный. Правда, он всегда мастак говорить был, а в этот раз все мямлил да мялся – ну это и понятно. Несладко ему, когда сын помер.

– Как умер? – удивился Шамсудин.

– А вот так! – развел руками Вонючка. – Манифест уже вышел, и траурные флаги во дворце развесили. Говорят, заговорщики из клана королевы отравили наследника. Да только зачем? А я вот что думаю, – Пфундс перешел на доверительный шепот. – Небось, парнишка от простуды какой скончался, без матери-то кто за ним последит? А король наш под это дело неугодных-то и уберет! Ох, чую, будет еще казней в Берлине, – покачал головой глава отделения безногих и безруких.

Заказав вина, Сварог остался обсудить со старым товарищем былые подвиги, а Шамсудин поднялся наверх. Проходя мимо комнаты Ильмы, полугном, словно повинувшись внезапной мысли, подошел к двери и осторожно постучал. Когда в ответ никто не отозвался, Шамсудин толкнул дверь, и она с тихим скрипом отворилась. Девушки в комнате не было, лишь на столе горела толстая восковая свеча в дешевом гостиничном подсвечнике.

– Ильма, ты идешь? – раздался с кровати сонный детский голос. – Ильма, мне холодно! И вообще, мне надоело путешествовать! Когда мы вернемся к маме?

Шамсудин тихо притворил дверь и, кивнув сам себе, неспешно зашагал к своей комнате.

* * *

Три дня Сварог и Шамсудин безвылазно просидели в “Королевском плоте”, охраняя Ильму и девочку. На второй день явилась Ирина, сообщила, что была в Канцелярии с докладом о происшедших в Дэлираме событиях, и там действия девушки-гуля и ее помощников всемерно одобрили. Потом рабирийка туманно намекнула об ожидающей их большой чести и уехала. Сварог, радостно потирая руки, принялся прикидывать размер предполагаемой награды, и уже собрался было в счет нее сыграть несколько партий в кости с завсегдатаями “Королевского плота”. А Шамсудин задумался, почему это у Ирины такой усталый и озабоченный вид, и какую новую интригу затеяла неугомонная рабирийка.

Утром четвертого дня, когда Сварог, позевывая от скуки, вгонял свой магический кинжал в порядок уже истыканную столешницу, а полугном ползал по полу, катая на спине виз-

жащую от восторга Нию, дверь их комнаты распахнулась, и решительный голос Ирины командовал:

– Собирайтесь скорее, мы едем во дворец!

Сварог поднял голову – и оторопел. Он привык видеть Ирину в простом платье или в мужском дорожном костюме – а теперь девушка-гуль предстала перед ним в чудовищно дорогом придворном наряде. Тяжелое платье из роскошной аквилонской парчи, вышитой вручную знаменитыми шамарскими швеями золотыми нитями и самоцветами, переливающееся в такт дыханию алмазное ожерелье, при виде которого у любого вора загорелись бы глаза, высокая затейливая прическа, украшенная оправленным в золото гребнем из вареного панциря черепахи – все это превратило авантюристку из Дэлирама в величественную королеву. Сварог покоился на Шамсудина – и испытал облегчение, увидев, что тот потрясен не меньше.

– Поторопитесь, во дворце ждать не любят, – сказала Ирина, насладившись произведенным эффектом и кокетливо наклонив голову, отчего тяжелые алмазные серьги в ее ушах качнулись и брызнули ослепительным снопом искр.

– А с кем мы будем встречаться во дворце? – спросил полугном, смущенно поднимаясь с пола, невзирая на решительные протесты Нии.

– Нас удостоит аудиенции король Немедии! – торжественно сообщила Ирина и, покосившись в сторону Сварога, добавила: – Так что кое-кому неплохо бы вымыться и причесаться, на худой конец.

Заехав по пути в дом Ирины и оставив там Ильму с ребенком под присмотром дюжих привратников, что показалось Сварогу совершенно излишним, они втроем проследовали во дворец немедийских правителей.

Суровый каменный замок, столичная резиденция немедийских королей, когда-то являлся центром небольшой крепости Берлин, призванной защищать подходы к плодородным долинам центральной части страны, буде враг сумеет прорваться через перевалы Немедийских гор. Замок являлся отличным защитным сооружением, но был малопригоден для обитания королевской семьи. Королевские мастера старались всюю, отделявая внутренние помещения дворца по последней моде и стараясь сделать большие мрачные залы роскошными, а комнаты – уютными, но старый замок сопротивлялся этому, как покрытый шрамами седой ветеран, на которого пытаются натянуть шитый золотом яркий камзол лакея. Зодчие давно предлагали Нимеду пристроить ко дворцу новое крыло, более удобное и современное, как это сделал отец нынешнего короля Зингары, но Нимед неизменно отказывался. “Народ не будет уважать правителей, которые из страха перед сквозняками отказались от традиции предков,” – гордо говорил молодой король. Ну, традиции традициями, а вечный насморк обитателей королевской резиденции давно уже вошел в поговорку у жителей столицы.

Затянутые в мундиры стражники распахнули перед экипажем Ирины дворцовые ворота. Длинная, усаженная причудливо подстриженными деревьями аллея вела к парадному входу в замок, мрачной громадой возвышающийся над ухоженным парком. Стараясь хоть немного скрасить впечатление суровости древнего строения, придворные садовники разбили вокруг множество ярких цветников и понатыкали затейливых фонтанчиков. По дорожкам гуляли разряженные вельможи и дамы, и привыкшая к хмурым воинам крепость недоуменно прислушивалась к взрывам легкомысленного смеха. Впрочем, сейчас смех звучал приглушенно – при дворе был траур по скончавшемуся маленькому принцу.

Вывалившись из экипажа, Сварог прежде всего принялся разминать затекшие в тесноте ноги, которые всю дорогу славянину пришлось держать поджатыми под себя из опасения испачкать платье рабирийки. Ирина, ожидавшая, что сибиряк поможет ей выйти из кареты, застыла с протянутой рукой и растерянным лицом. Положение спас Шамсудин, быстро выскокший из экипажа вслед за другом и галантно подавший руку девушке.

– Ну ты и славянин! – возмущенно сказала Ирина Сварогу. – Тебя опасно даже пускать в королевские покои.

– И не пускайте, – согласился сибиряк. – У меня свои будут. Мне предсказали, что я стану королем.

– И ты в это веришь? – подняла брови девушка.

– Мало ли что может случиться в жизни, – философски ответил Сварог.

По широкой каменной парадной лестнице Ирина и ее спутники поднялись на второй этаж, где у огромных, украшенных гербом королевского рода дверей застыли высоченные гвардейцы с непроницаемыми лицами. Сварог решительно шагнул в ту сторону.

– Не сюда, – остановила его Ирина. – Прием будет конфиденциальным.

– Каким? – не понял славянин, но девушка просто подтолкнула его в направлении уходящего вбок коридора, вход в который охраняли каменные статуи каких-то воинов, выражением лиц до боли похожих на охраняющих двери солдат.

Пройдя по коридору несколько шагов, Ирина остановилась возле задрапированной двери. Возле нее, кроме гвардейцев, казавшихся родными братьями предыдущих гвардейцев, стоял бледный изысканный вельможа с завитыми длинными волосами.

– Ах, госпожа Ирина! Его Величество сейчас занят, тебе придется подождать – томно протянул вельможа и окинул взглядом ее спутников, задержавшись на Свароге. – А кто это с тобой?

– Мои друзья, месьор Юлих, – высокомерно ответила девушка. – Его Величество знает о них и сам пожелал видеть этих людей.

– Как Его Величеству будет угодно, я лишь спросил, – Юлих замолчал и поднес к носу тонкий кружевной платочек.

Ирина со скучающим видом отвернулась к окну, составленному из цветных стекол и превращающему самый пасмурный день в солнечный, Шамсудин начал рассматривать мозаичную картину на потолке, а Сварог привалился плечом к витой полуколонне, выступающей из стены. Царедворец Юлих, потерев нос платком, поднял висящий у него на груди лорнет и принялся в упор рассматривать сибиряка. Сначала Сварог игнорировал это, но потому ему надоело и он грозно взглянул на вельможу.

– Ах, какой мужчина! – восхитился Юлих и танцующей походкой направился к славянину. Подойдя, он прикоснулся тонким пальцем к бугрящимся под тканью куртки мускулам сибиряка.

– Какая сила! – Юлих заулыбался в лицо Сварогу. – Ты нездешний?

– Из Киммерии я, – буркнул славянин.

– Ах, как интересно! – Юлих подался вперед, обдав Сварога ароматом благовоний. – У вас на родине, кажется, очень жарко?

– Просто пекло, – заверил Сварог и на всякий случай отошел подальше. Разочарованный вельможа вздохнул и принялся обозревать в лорнет неподвижных гвардейцев.

Неожиданно дверь королевских покоев отворилась, и оттуда вышла заплаканная дама в накинутом на голову темном шарфе – знаке скорби. Натолкнувшись на Юлиха, который брезгливо отстранился, женщина пошатнулась и, всхлипывая, побрела по коридору.

– Госпожа Тана, – окликнула женщину Ирина и участливо спросила: – Что случилось?

– Ах, милая Ирина, ты не представляешь, – слезы градом катились по лицу госпожи Таны, смывая пудру и румяна. – Три дня назад казнили моего мужа – преданнейшего королю человека, ты же знаешь! – а теперь забрали сына. Сейлор никогда не занимался политикой, он простой офицер! Я на коленях умоляла короля поверить мне и отпустить сына – но Его Величество отказал мне. Завтра моему мальчику отрубят голову на площади Трех Ворот!.. – женщина зарыдала в голос. – О Митра, что же происходит?!

Ирина хотела было что-то сказать – но от двери раздался тягучий как патока голос Юлиха:

– Его Величество ожидают госпожу Ирину и ее спутников!

Ирина торопливо и слегка смущенно погладила Тану по рукаву платья и, расправив плечи, стремительной походкой вошла в королевские покои. Шамсудин и Сварог последовали за ней.

Тщательно отделанная и ставшей оттого уютной комната предназначалась, по-видимому, для частных бесед правителя с придворными. Стены были завешаны ткаными гобеленами – эта мода пришла недавно из соседней Аквилонии. С потолка на витом шнуре спускалась люстра, украшенная выточенными из горного хрусталя подвесками, блестящими в пламени ароматных свечей словно капельки росы. На низком мозаичном столике стояли графин с вином и фрукты в фигурной серебряной вазе. В широком мягком кресле с удобной высокой спинкой сидел король и, слегка прищурившись, разглядывал вошедших. Позади него возвышались двое вельмож, у ног на скамеечке притулился карлик с огромной головой и печальными глазами.

Нимед был молод, но уже имел репутацию сильного и умного политика. Король Аквилонии Вилер как-то заметил, что, если бы имел такого сына, как Нимед, то ему было бы легче умирать. При этом Вилер с отвращением взглянул на своего молодого племянника Нумедидеса, наследника трона, чьи способности внушали дядюшке серьезные опасения за судьбу Аквилонии.

Ирина присела в церемонном реверансе, Сварог и Шамсудин поклонились.

– Приветствую тебя, госпожа Ирина, и вас, месьоры, – любезно сказал король. – Мне доложили, что вы оказали большую услугу Немедии, перекрыв контрабандный ввоз лотоса через Замору. Заморийские власти никогда не были способны навести у себя порядок, и этим приходится заниматься нашим подданным, что они делают просто блестяще.

Ирина вновь сделала реверанс, Шамсудин поклонился и незаметно толкнул Сварога, который, засмотревшись на вытканную на гобелене картину весьма фривольного содержания, перестал следить за речью короля.

– Впрочем, госпожа Ирина, кажется, не раз уже справлялась с самыми сложными заданиями, – продолжил Нимед. – Просто не верится, что такая молодая и прелестная девушка столь искушена в делах пятого департамента... Месьор Трент! – король обернулся к одному из вельмож и сделал знак рукой. Тот выступил вперед и торжественно открыл небольшой бронзовый ларчик. Там, на бархатной белой подушечке лежала подвеска – огромный алый рубин, оправленный в золото и обрамленный маленькими блестящими самоцветами.

– Орден Чести даруется мужчинам, но мы решили сделать исключение, – проговорил Нимед. – Твои заслуги, госпожа Ирина, требуют достойного вознаграждения.

Король поднялся с кресла, вынул из ларца орден-подвеску и, подойдя к Ирине, самолично прикрепил его к платью девушки.

Сварог взглянул на рабирийку. Лицо девушки-гуля выразило изумление, потом растерянность, но Ирина быстро взяла себя в руки и смиренно произнесла:

– Получая столь высокую награду из твоих рук, мой король, я осознаю, сколь много мне еще предстоит совершить, чтобы оправдать такую милость.

Нимед вежливо улыбнулся девушке и перевел взгляд на ее друзей.

– Из доклада госпожи Ирины явствует, что без вашей помощи это дело не было бы раскрыто, – сказал король. – Я рад познакомиться с людьми, так самоотверженно защищавшими интересы Немедии, не будучи на королевской службе... Откуда вы родом, уважаемые месьоры? – любезно спросил Нимед, взглянув на полугнома.

– Шамсудин, сын Гроина из Турана, если угодно Вашему Величеству, – представился спутник Сварога. – Капитан гвардии Владыки Илдиза... в отставке.

– Султанапурский правитель умеет подбирать себе людей, – кивнул Нимед и без особого интереса спросил: – А почему ты оставил службу, месьор Шамсудин?

– Семейные обстоятельства, Ваше Величество, – ответил полугномом.

Король перевел взгляд на славянина.

– Сварог из Киммерии, – сказал тот и, подумав, добавил: – Наемник.

Нимед пошевелил губами, придумывая для Сварога какой-нибудь вопрос, так и не придумал, уселся обратно в кресло и произнес:

– Хотя вы и не являетесь подданными немедийской короны, но вы славно послужили ей и имеете право на награду. Что бы вы хотели получить из моих рук, месьоры?

У Сварога загорелись глаза и он открыл было рот, но Шамсудин быстро и незаметно наступил ему на ногу и, поклонившись, проговорил:

– Мы помогали госпоже Ирине не из расчета на награду, а из любви к порядку и справедливости. Все, что преподнесет нам Его Величество, будет для нас величайшей милостью.

Взгляд сибиряка выразил большое разочарование. Король кивнул и сделал знак второму вельможе. Тот вынес два парадных эстока в кожаных ножнах, рукояти которых были украшены серебряной насечкой, а на конце набалдашников переливались вправленные в металл изумруды. Шамсудин с поклоном принял меч, и Сварог был вынужден сделать то же самое.

– Надеюсь, эти мечи в ваших руках еще послужат славе Немедии, месьоры, – произнес король положенное по ритуалу и добавил: – А это вам на расходы. Думаю, в дороге уважаемые месьоры поиздержались.

При этих словах все тот же вельможа протянул Сварогу и Шамсудину кожаные мешочки с королевским вензелем, в которых что-то многообещающе позвякивало.

– Благодарю всех за честную службу, – сказал Нимед, и в его голосе явственно послышалось нетерпение. Ирина, Сварог и Шамсудин в последний раз поклонились и быстро покинули королевские покои.

– Ну, и зачем мне эта игрушка? Этим прутиком даже драться толком нельзя! – раздраженно воскликнул Сварог, выйдя из дворца. – Шамсудин, что за чушь ты нес перед королем? Надо было денег попросить или поместье, на худой конец.

– Никто бы тебе поместье не дал, – спокойно ответил полугном. – То, что король Нимед сказал о награде – просто ритуальная фраза. Я и ответил, как было положено.

– Нергал вас всех заberi с вашими ритуалами, – буркнул славянин. – Даже наградить по-человечески не могут, – и, открыв врученный ему кошелек, сибиряк принялся изучать его содержимое.

Ирина молча шла впереди к своему экипажу, машинально теребя приколотый к платью орден. Внезапно она остановилась, обернулась к Сварогу и Шамсудину и медленно произнесла:

– Можете считать, что я сошла с ума, но человек, с которым мы разговаривали – не король Нимед!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

– То есть как – не Немед?! – опешил Сварог. – Зачем же мы его тогда называли “Ваше Величество”?

– Ты не понял. Этот человек выглядит в точности как король Немед – но это не он! – Ирина с несчастным видом взглянула на своих друзей. – Я и сама не понимаю, как такое может быть.

– Тогда ты действительно сошла с ума, – соболезнующим тоном заметил сибиряк.

– Что ты имеешь в виду, Ирина? Объясни, – попросил Шамсудин.

– Понимаете, я знаю Немед еще с пеленок, он сидел у меня на коленях, когда мы с его отцом обсуждали дела Канцелярии, – горячо заговорила девушка. – Я была на его коронации и сопровождала его невесту к алтарю. Можно считать, что мы с Немедом друзья – если вообще можно назвать короля другом. Мне знакомы его излюбленные фразы, его манера взмахивать правой рукой, его смех, его привычка морщить лоб и грызть ногти. Человек же, который давал нам аудиенцию, ведет себя не так, как наш король! Он словно пытается подражать ему, и довольно умело – но близких людей этим не проведешь. А то, как он разговаривал со мной, только укрепило мои подозрения. Немед прекрасно осведомлен, что я – не человек, знает мой возраст, и мог восхититься моей молодостью лишь в шутку. Немед никогда не стал бы держаться со мною так официально, особенно на частной аудиенции – он вообще не слишком придерживается церемониала в близком кругу. К тому же наш король еще по-юношески любознателен, и он обязательно расспросил бы нас обо всех подробностях заварушки в Дэлираме. А этот человек с трудом выдавил из себя пару замечаний!

– Да, ситуация интересная, – пробормотал Шамсудин. – Но, может, король Немед изменился за последнее время? Я слышал, у него несчастье – умер сын...

– Умер сын? – Ирина странно посмотрела на полугнома. – Конечно, горе меняет человека – но настолько? И потом, есть еще кое-что, изумившее и насторожившее меня больше всего, – девушка нервно сцепила руки. – Дело в том, что король Немед уже награждал меня Орденом Чести! Это было года два назад, тогда возникли некоторые разногласия с Офиром, и я... Впрочем, неважно. Я, правда, не носила этот орден на балах и приемах – он такой аляповатый, и совсем не идет к моим платьям. Но не мог же король забыть об этом награждении!

– Если бы это был не Немед – неужели остальные придворные не заметили бы подмены? – резонно возразил Сварог. – Хотя бы королева!

– Королева в тюрьме, – напомнила Ирина. – И потом, в Немедии последнее время творятся странные дела. В Канцелярии все вверх дном. Кого-то казнили, кто-то бежал, остальные стремятся убедить друг друга, что они всемерно верны короне. Повсюду доносы и страх. Короля Немед никто не назвал бы мягким правителем, но устраивать в своей стране беспредел, точно в завоеванной непокорной провинции?.. – рабирийка покачала головой. – Это на него не похоже. И эта странная история с заговором королевы и смертью наследника...

– Как бы то ни было, Немед там сидел или не Немед – но нас он наградил, и мы можем ехать восвояси, – хмыкнул Сварог, пряча мешочек с монетами.

– Мы должны разобраться, что здесь произошло, – убежденно сказала Ирина. – Я просто чувствую присутствие чьего-то темного замысла, направленного против Немедии.

– Вот и разбирайся, – посоветовал сибиряк. – У тебя здесь дом, положение при дворе, деньги – есть ради чего стараться. А мы уже однажды помогли Немедии – и получили лишь никчемную железку да горсть монет. Впредь будем умнее.

– Но это же не охота за контрабандистами в захолустном заморийском городишке! Здесь пахнет большой политикой! – Ирина почти умоляюще взглянула на двух авантюристов. – Быть может, это самое значительное дело в вашей жизни, которое вам суждено!

– Конечно – если за время этого дела нам отрубят голову, – саркастически заметил славянин.

– Гибнут невинные люди – кто-то должен же это остановить! – воскликнула девушка. – Я не могу обещать большую награду – но не все же измеряется деньгами, в конце концов!

Сварог лишь пожал плечами, не желая вступать в бесполезный спор.

– Я с тобой, Ирина – внезапно сказал Шамсудин со свойственным ему ледяным спокойствием. – Можешь рассчитывать на меня во всем. Я не уеду, пока мы не распутаем это дело или не убедимся, что с вашим королем все в порядке.

Сварог, приоткрыв рот, уставился на своего друга, а Ирина в порыве благодарных чувств кинулась полугному на шею и запечатлела на его губах горячий поцелуй, вызвав на смуглых щеках неустрашимого туранца слабый румянец.

– Но, Шамсудин... – с нажимом начал сибиряк, однако бывший воин Илдиза перебил его.

– Я сказал, – холодно и твердо произнес полугном, и Сварог замолчал, понимая, что переубедить принявшего решение туранца невозможно.

– Ну, в общем, я тоже могу повременить с отъездом, – небрежно проговорил сибиряк, помахивая врученным ему эстоком. – Ведь влипнете тут без меня, как пить дать. Да и интересно, что здесь случилось в вашей Немедии...

– Вот и славно, – как ни в чем не бывало, сказала Ирина. – Я тут поговорила кое с кем и выяснила, что весь это кошмар с заговорами и казнями начался примерно три седмицы назад. А перед этим король куда-то уезжал дня на два – неофициально, даже регента не назначал. После этого все и изменилось. Думаю, распутывать надо начинать с этого происшествия.

– И как же мы узнаем, куда он уезжал? – поинтересовался Сварог. – Может, вернемся во дворец и спросим его самого?

– Плох был бы Пятый департамент герцога Лаварона, если б там не знали, куда ездит собственный король, – усмехнулась девушка. – А я, как никак, не последнее лицо в названном Пятом департаменте...

– Я смотрю, у вас в Немедии и в нужник сходить нельзя, чтобы об этом не стало известно в Канцелярии, – пробормотал славянин.

– И куда же ездил король? – вернулся к теме разговора Шамсудин.

– К даме сердца, – ответила Ирина и по-матерински улыбнулась. – Молодой он еще, наш государь... Насколько мне известно, последняя его любовница – некая девица Эле, родом из Офира. Король подарил ей небольшой домик близ Берлина, где и происходят их свидания. Нимед не слишком афиширует свои сердечные связи, но мы-то прекрасно о них осведомлены.

– А королева знает? – поинтересовался Сварог.

– Да, но что она может поделать? – развела руками девушка. – Именно поэтому я до сих пор и не вышла замуж – лучше вовремя бросить мужчину, чем видеть, как он тебе изменяет.

– Я сильно сочувствую мужчине, который решился бы тебе изменить, – пробормотал Сварог.

– И как же мы поступим теперь? – вновь напомнил о деле Шамсудин.

– Отправимся к милой Эле и выьем из нее все, что она знает, – жестко ответила Ирина, и ее маленькие острые зубки блеснули в недоброй улыбке.

* * *

Сварог, Ирина и Шамсудин выехали из Берлина около полудня. Ровная, хорошо наезженная дорога пролегла по берегу небольшой чистой речки, берущей свое начало в Немедийских

горах. Их покрытые лесом вершины темнели на фоне ослепительно синего неба и казались совсем близкими.

По обеим сторонам реки утопали в садах загородные виллы дворян и богатых горожан. Путников то и дело обгоняли экипажи, влекомые сытыми холеными лошадьми. По реке на плоскодонных лодочках катались дамы, прикрываясь от солнца разноцветными накидками. Из-за высоких каменных оград доносился звон бокалов и музыка – утомившиеся от дел хозяйева и их гости отдыхали и развлекались. Здесь почти не встречались крестьяне или простые Берлинцы – все в этом месте принадлежало сливкам столичного общества.

Домик королевской возлюбленной находился в стороне от дороги, в уединенном месте, почти скрытый от назойливых глаз небольшой тенистой рощей. Сам дом был небольшой, хотя и уютный с виду, зато окружающая его каменная стена и крепкие ворота ясно говорили – здесь не любят незваных гостей. Из сада доносилось негромкое журчание фонтана, где-то тоненько твевкала собачонка – других звуков Сварог и его спутники не слышали.

– Ну что, полезли? – сибиряк привычным взглядом окинул стену в поисках выбоин.

– Еще не хватало! – возмутилась Ирина. – Я, как никак, из Канцелярии, а это кое-что значит даже для любовницы короля.

Спешившись, Ирина подошла к воротам и решительно постучала по ним кулачком. Не дождавшись ответа, девушка вновь постучала, на этот раз каблуком своих высоких сапог для верховой езды – но результат был тот же. Подошел Сварог, загрохотал по воротам рукоятью своего меча – не потому, что надеялся на ответ, а так, для порядка. Обитатели дома упорно не отзывались.

– Похоже, никого нет, – констатировал Шамсудин.

– Не может быть! – удивленно пробормотала рабирийка. – Даже если бы сама Эле уехала – остались бы слуги...

– Придется приехать сюда еще раз, – развел руками полугном.

– Ну вот еще! – сибиряк привычным жестом засунул меч в заплечные ножны. – Тащиться по такой жаре – и так ничего и не узнать? Вы как хотите, а я полез. Глядишь, найду что-нибудь интересное.

С этими словами славянин разбежался и, подпрыгнув, повис на руках, уцепившись за верх ограды. Пыхтя, Сварог подтянулся, перевалил через стену и исчез из глаз. Вскоре треск кустов возвестил о благополучном приземлении славянина по ту сторону ограды.

Ирина и Шамсудин переглянулись.

– Никакого сладу с твоим дружком нет, – сердито сказала девушка и добавила: – Хотя иногда он бывает прав.

– Эй, вы еще здесь? – раздался вскоре приглушенный голос Сварога. – Я нашел в саду два свежих трупа. Открыть вам ворота, или вы предпочитаете через стену?

– Нашел время для шуток! – раздраженно ответила Ирина. – Открывай немедленно!

Послышался грохот отодвигаемого засова, и ворота открылись. Привязав лошадей, Ирина и Шамсудин вошли в сад, где их поджидал Сварог.

Первый труп они увидели сразу. Немолодая женщина, одетая как служанка, лежала навзничь на посыпанной гравием дорожке. Похоже было, что она пыталась убежать, но арбалетный болт настиг ее совсем близко от ворот.

– Я обошел весь сад, он небольшой, – заговорил сибиряк. – Там, за домом, есть потайная калитка. Сейчас она распахнута, и неподалеку лежит второй мертвец – похоже, садовник или конюх.

Шамсудин наклонился над женщиной.

– Труп еще не успел окоченеть, – пробормотал он. – Убийцы могут быть где-то рядом.

– Во всяком случае, в саду их нет, – уточнил Сварог. – Правда, я слышал отдаленное ржание лошадей где-то в роще, за калиткой.

Только сейчас Ирина заметила, что меч славянина покинул ножны и находится в руках хозяина.

– Думаю, нам стоит посетить дом, – решила девушка. – Хотя, боюсь, нас уже опередили...

Входная дверь была полуоткрыта, около нее жалобно тьякала маленькая пушистая собачонка с алым шелковым бантом на шее. Сварог, Шамсудин и Ирина осторожно вошли в дом – и наткнулись на третью жертву. Тело молодой девушки перегораживало собой ведущую на второй этаж лестницу. На светлом платье напротив сердца расплылось аккуратное алое пятно.

– Знатоки своего дела, заведи их Нергал, – пробормотал Сварог.

– Это и есть Эле? – негромко спросил Шамсудин.

– По-моему, нет. Горничная, наверно, – шепотом отозвалась Ирина.

Внезапно тихий доселе дом прорезал женский визг, доносившийся из верхних покоев. Не стовариваясь, Сварог и Шамсудин помчались по широкой деревянной лестнице наверх. Пробежав через анфиладу комнат, друзья ворвались в небольшую уютную спальню. Широкая кровать под балдахин, тяжелые шторы, создающие приятный полумрак даже в полдень, ароматические курильницы и висающие на стенах картины соответствующего содержания не оставляли сомнения, что эта комната предназначена для более приятного времяпрепровождения, чем сон. Но сейчас здесь готовилось совершиться нечто прямо противоположное игривому духу этой спальни. За роскошной кроватью пряталась молодая женщина, которая от ужаса визжала не переставая. В дрожащей руке она держала бронзовый подсвечник, но было ясно, что это оружие ей не слишком поможет в борьбе с ее противниками. На нее не торопясь наступали двое мужчин с обнаженными кинжалами, третий, с арбалетом на боку, со скучающим видом стоял поодаль, разглядывая рисунок на большой фарфоровой вазе.

– Ай-ай-ай, как нехорошо, – покачал головой Шамсудин и его меч со свистом врезался в бок мужчины с кинжалом.

– Как нехорошо обижать женщин, – продолжил свою мысль полугном и, уклонившись от брошенного в него ножа, вспорол живот второму незнакомцу.

Сварог тем временем схватился с любителем фарфоровых ваз, который успел вытащить из ножен меч. Оружием тот владел мастерски, и, когда первое изумление миновало, вокруг Сварога заплясало отточенное лезвие, отбить которое было не так-то просто.

Шамсудин мягким движением опустил клинок в ножны и подошел к бледной от страха женщине. Та неуверенно занесла над головой подсвечник, плохо соображая, что она делает.

– Не бойся, госпожа. Мы не причиним тебе вреда, – спокойно сказал Шамсудин, и женщина, всхлипнув, выронила свое оружие.

Позади них раздался грохот – это Сварог своротил тяжелый столик с нефритовой столешницей, уклоняясь от точного удара противника.

– Ты – госпожа Эле, так? – уточнил полугном, окинув быстрым взглядом возлюбленную короля. Она была невысока ростом, полновата, светлые волосы обрамляли простое лицо заурядной горожанки, а серые глаза под белесыми бровями говорили скорее о доброте и покорности, чем об уме или хитрости.

– Да, – бесцветным голосом ответила женщина, машинально сминая трясущимися пальцами оборку на лифе платья.

В дальнем углу комнаты что-то разбилось – это Сварог швырнул в своего врага так понравившуюся ему фарфоровую вазу, но промахнулся.

– Я – Шамсудин из Турана, – представился полугном. – Мы приехали сюда, чтобы кое о чем тебя расспросить – и, кажется, успели вовремя. Хотя твоим слугам повезло меньше.

– Значит, они убили и Кэрин? – прошептала Эле и прижала ладони к задрожавшим губам. – Бедная девочка. Она так и не вернулась в свою Бритунию...

Послышалось невнятное проклятие незнакомца – он запутался в тяжелой гардине. Воспользовавшись этим, Сварог прыгнул вперед, намереваясь прикончить врага, но тот ловко

перекатился по полу, успев разрубить мечом мешающую ему ткань, и лезвие славянина лишь выбило из вымощенного паркетом пола фонтан опилок.

В комнату стремительной походкой вошла Ирина и, бросив взгляд сначала на трупы, потом на сражающихся, подошла к Шамсудину и его собеседнице.

– Успели – это хорошо, – проговорила девушка, и непонятно было, похвала это или просто мысль вслух. – Тебе повезло, Эле. Благодарю этих двух месьоров.

Из глаз женщины потекли слезы. Она благодарно посмотрела на Шамсудина и обернулась в сторону Сварога, который, сцепив зубы, отводил от себя меч противника.

– Спасибо, господи, – послушно сказала Эле, вытирая слезы.

– Не за что, – прохрипел Сварог, отбрасывая назад смертоносное лезвие.

– Я из Пятого департамента, мое имя Ирина, графиня Эрде, – сообщила рабирийка. – Я хочу кое о чем расспросить тебя, Эле. Ты должна все честно нам рассказать – ради нашего короля.

– С ним что-то случилось? – встрепелась Эле. – Он не приезжал ко мне так давно... Я не знаю, что и думать.

– Возможно, с ним действительно что-то случилось... – начала Ирина, но тут сзади вновь раздался грохот – это незнакомец задел мечом небольшой ореховый комод, и с него посыпались расставленные там серебряные статуэтки. Одна из них подкатилась под ноги Сварогу, тот наступил на нее, поскользнулся и от души выругался.

– Здесь совершенно невозможно разговаривать на важные темы, – поморщилась Ирина и, обернувшись, крикнула славянину: – Ты что, до сих пор не можешь с ним справиться?

– Молчи, женщина, чтоб тебя забрал Сет! – яростно воскликнул Сварог и со злостью обрушил свой меч на противника. Тот не ожидал столь бешеной атаки и, не сумев отбить удар, рухнул на пол с развороченной грудью, забрызгав кровью затянутые светлой тканью стены. Эле взвизгнула и закрыла лицо руками.

– Совершенно незачем было его убивать! – укоризненно сказала Ирина. – Теперь мы не сможем узнать, кто их послал.

Проигнорировав это замечание, Сварог вытер пот со лба и обернулся к Шамсудину.

– Ты, гном-переросток, Нейглам тебе в брюхо, не мог помочь, что ли?

– Зачем? – искренне удивился туранец. – Настоящий воин лишь обидится, если ему придут на помощь в схватке с единственным противником.

– Не волнуйся, я бы как-нибудь стерпел эту обиду, – пробормотал славянин, прокляв про себя глупые рыцарские правила офицеров Илдиза.

Покровительственно полюбив потрясенную Эле, Ирина увела ее в соседнюю комнату и усадила в кресло. Шамсудин занял второе кресло, а Сварог пристроился прямо на массивном обеденном дубовом столе, положив рядом так хорошо послуживший ему сегодня меч.

– Эле, сегодня тебя пытались убить, – без обиняков начала Ирина, заставив женщину вздрогнуть. – Думаю, это связано с нашим делом... Ты знаешь этих людей? – девушка кивнула на дверь спальни.

– Нет, – замотала головой Эле. – Даже не знаю, как они пробрались сюда. Я вышивала, а Кэрин повела гулять Туми, когда в саду послышался крик Бреты – это наша домоправительница. Я подошла к окну, спросила, что случилось, но мне никто не ответил, – женщина зябко повела плечами. – Потом я услышала тяжелые шаги и мужские голоса – и страшно испугалась. А они даже не торопились – знали, что мне некуда убежать. Как я благодарна Митре, что он направил сюда вас! – в серых глазах королевской возлюбленной вновь заблестели слезы.

– Проникнуть в твой дом не так уж и сложно, – пожал плечами рабирийка. – К тому же он находится на отшибе, и глаз соседей можно не опасаться.

– Но я никому не причиняла вреда! Зачем кому-то нужна моя смерть? – в отчаянии воскликнула Эле и шепотом добавила: – Неужели мне решила отомстить королева?..

– Королеве сейчас не до тебя, – невесело усмехнулась Ирина. – Король заточил ее в Каземат.

– Не может быть! – ахнула Эле, схватившись за щеки, словно какая-нибудь купчиха.

– Раньше я сказала бы то же самое, – Ирина задумчиво постучала длинными острыми ногтями по каминной полке. – Эле, как давно ты виделась с Его Величеством?

– Почти полную луну назад, – вздохнула женщина. – С тех пор он не приезжал ко мне, а я даже написать ему не решаюсь... Наверно, король обиделся на меня за то, что я устроила ему здесь встречу с тем вельможей. Его Величество всегда говорил, будто приезжает сюда отдохнуть, а не заниматься делами, а тут...

– Какую встречу? – насторожилась рабирийка. – С кем?

– Я... я не знаю, – растерялась Эле. – Он сказал, что его имя не имеет значения, что в интересах безопасности... Но я лишь хотела помочь королю! – женщина умоляюще посмотрела на девушку-гуля, словно пытаясь оправдаться за былую доверчивость.

– Эле, расскажи все по порядку, – терпеливо попросила Ирина.

– Чуть больше месяца назад, когда я ожидала приезда короля, – Эле слегка покраснела, что вызвало на лице Ирины усмешку, – сюда прибыл какой-то человек и просил принять его. Я очень удивилась – ведь ко мне никто не ездит, но он сообщил, что речь идет о жизни Его Величества, и я сразу согласилась поговорить с ним.

– Как он выглядел? – прервала подругу короля рабирийка.

Эле наморщила лоб:

– Ну, у него темные волосы, бороды нет, – женщина сделала неопределенный жест. – Высокий такой, в плаще.

– Ясно, – вздохнула Ирина. – Рассказывай дальше.

– Этот человек сказал, что королю угрожает большая опасность – я толком не поняла, кажется, какой-то заговор, – Эле обвела виноватым взглядом слушающих ее Ирину, Сварога и Шамсудина. – Он так запутанно говорил, а я простая женщина, всяким премудростям не обучена... Этот вельможа попросил сообщить, когда король приедет ко мне, чтобы он смог у меня поговорить с Его Величеством и предупредить о заговоре. Он специально для этого и слугу своего здесь оставил, чтоб я через него подала весть о прибытии короля. И когда Нимед... то есть наш король мне письмо прислал, что на днях будет – я тотчас этого слугу и отправила с поручением к тому господину.

– Эле, неужели ты веришь всему, что тебе говорят? – не вытерпела Ирина. – Зачем этому господину тайно поджидать короля у тебя, рискуя навлечь на себя гнев Нимеда, вместо того чтобы просто обратиться к нему во дворце? Об этом ты не подумала?

– Я... я думала... мне казалось... – залепетала Эле, но по ее расстроенному круглому лицу было ясно видно, что она много не думала, а просто делала то, что ей говорил незнакомый мужчина, ради спасения ее любимого короля.

– Ну, и что дальше? – смягчившись, спросила Ирина.

– Дальше – тот вельможа тотчас приехал, с ним было еще трое друзей. Они ждали до вечера, пока не появился король, – Эле невольно вздохнула. – Я ему все рассказала, он меня начал ругать, как и вы, но я так умоляла его поговорить с ними, что он согласился. Они проговорили до полуночи, а потом те четверо вышли и сказали, будто Его Величество предупрежден о заговоре, но сейчас он утомился, и чтоб я ему не мешала отдыхать.

– Великий Митра, и ты не проверила все ли хорошо с Нимедом?! – всплеснула руками Ирина.

– Нет, я вошла в спальню – они там беседовали, – Эле указала на дверь. – Однако король действительно спал, как младенец. А утром он проснулся такой холодный и чужой, даже ласкового слова мне не сказал. Так и уехал, – грустно закончила женщина.

– А тот вельможа с друзьями? – поинтересовался Сварог.

– Они еще ночью уехали, даже рассвета ждать не стали, – Эле робко посмотрела на Ирину, которая, очевидно, внушала ей наибольшее почтение. – Но ведь эти люди ничего с королем не сделали!

– Как знать, – весело проговорила рабирийка и мягкой походкой прошла по комнате.

– Король ездит к тебе без охраны, госпожа? – внезапно спросил Шамсудин.

– Конечно с охраной, – удивилась Эле. – В саду для них есть флигелек, там они и ожидают.

– Так-так, – покивал головой полугном. – В саду, значит... Если б эти люди захотели убить короля, они могли бы спокойно это сделать в доме. Но они не захотели...

– Как выглядели остальные трое, тоже не помнишь? – без особой надежды поинтересовалась Ирина.

– Да я их не разглядывала, – жалобно сказала Эле. – Обычные люди, молодые, одеты хорошо.

– А никто из них не прятал лицо – под плащом, например? – снова задал вопрос Шамсудин.

– Не помню. Кажется, нет. А зачем? – простодушно удивилась Эле.

– Действительно, незачем. Знали, с кем дело имеют, – проворчала Ирина. – Это все, что ты знаешь, Эле?

– Да, – виновато отозвалась королевская возлюбленная. – Я ведь живу здесь совсем одна, даже новостей последних не знаю. Поехала я было в Берлин на днях – а под моим экипажем мост через овраг рухнул. Я вместе с Кэрин пешком шла, потому и жива осталась, а кучер наш насмерть разбился. Я так испугалась, что больше и не ездила никуда. А еще пожар у нас начался недавно. Хорошо, Берн вовремя заметил и потушить успел. И чем я Митру прогневила, что на меня столько бед валится? – Эле совсем по-детски всхлипнула.

– Боюсь, госпожа, что прогневила ты не Митру, а вполне обычных людей, – заметил Шамсудин. – То, что ты знаешь, для них опасно, поэтому и пожар, и мост, и эти приятные месьюры с кинжалами.

– Но я ничего не знаю! – воскликнула Эле.

– Эти люди считают иначе, – пожал плечами полугном.

Ирина, на мгновение остановившись перед висящим на стене большим серебряным зеркалом, поправила уложенные на голове в виде короны косы и обернулась к мужчинам.

– Думаю, больше здесь мы ничего не выясним, – заметила она. – Можно возвращаться в город.

– Это точно! – обрадовался Сварог, на протяжении всего разговора беспрестанно ерзавший на жестком столе.

– А я? Что мне делать? – взмолилась Эле. – Я боюсь здесь оставаться!

– Я бы на твоём месте, дорогая, скрылась бы отсюда как можно скорее, – Ирина изящным движением смахнула с рукава невидимую соринку и направилась к лестнице.

– Но куда же мне ехать? – растерялась женщина. – И потом, Его Величество...

– Я бы не рассчитывала на короля, особенно в свете последних событий, – усмехнулась рабирийка. – И поезжай куда угодно – лишь бы подальше от Берлина, а лучше – от самой Немедии. Деньги есть? Еще и драгоценности? Вот и отличненько.

* * *

Покинув плачущую и суетливо собирающуюся в дорогу Эле, Ирина, Сварог и Шамсудин двинулись в обратный путь. Последние лучи солнца еще золотили вершины Немедийских гор, а в долинах уже наступили сумерки. В окнах вилл уютно зажглись огоньки, неподалеку шумела

почти неразличимая в полутьме река. Путники подгоняли лошадей, торопясь вернуться в столицу, пока не закрыли городские ворота.

– Узнали мы немного, но то, что узнали, весьма любопытно, – задумчиво проговорил Шамсудин.

– И что король нашел в этой женщине? – надменно произнесла Ирина. – Променять умницу и красавицу королеву на какую-то набитую дуру!

– В наше время, увы, ум и доброта редко ходят вместе, – печально улыбнулся полугном. Ирина невольно покраснела и слегка торопливо заговорила:

– Впрочем, это неважно. Теперь о деле. Думаю, те четверо имели прямое отношение к перемене, произошедшей с королем. История с мнимым заговором годна лишь на то, чтобы обмануть такую простушку как Эле. Она даже не догадалась подслушать, о чем говорили король и эти незнакомцы! – девушка досадливо поморщилась.

– Но что же они сделали с Нимедом? – подал голос Сварог. – Может, подпоили чем?

– Это только тебя можно подпоить, причем без особого труда, – вяло съязвила Ирина.

– Знаете, когда я был молод и в гвардии Илдиза считался всего лишь мешратом-новобранцем, – неторопливо начал Шамсудин, – учил меня владению метательными звездочками один седой уже воин. А говорили про него, что он знатного рода, чуть ли не родич эмира, и мы удивлялись – почему в таком случае прозябает он на должности джабуба – наставника безусых юнцов? И однажды, выпив крепкого керзаза, поведал он мне, что в молодости принимал он участие в заговоре против отца аграпурского эмира. Заговор, конечно, раскрыли, и мой наставник, едва избежав позорной смерти на колу, был вынужден всю жизнь влачить существование простого солдата, хотя по своему рождению мог бы командовать армией. А заговор задуман был хитро, – полугном значительно посмотрел на заинтересовавшихся его рассказом Ирину и Сварога. – У тогдашнего эмира был большой гарем и много детей. Однако один из его сыновей был очень уж похож на принца-наследника, поскольку рождены они были от двух сестер, только одна была старшей женой эмира, а другая – лишь наложницей. И заговорщики хотели тайно подменить законного наследника его двойником-братом, а потом эмира отравить. Тогда на престоле оказался бы человек, связанный с ними одной тайной и потому послушный их воле, – Шамсудин замолчал, давая слушателям возможность осмыслить эту историю.

– Но единственный брат Нимеда умер еще в младенчестве, – задумчиво протянула Ирина. – И не всегда братья бывают так похожи, что их трудно различить.

– Я знавал таких умельцев, что могут сделать из одного человека другого – родная мать не узнает, – вмешался Сварог. – Очень удобно, когда тебя ищут стражники или осерчавшие дружки.

– Вот-вот, – кивнул полугном. – Заговорщики могли увезти из дома Эле настоящего короля, оставив вместо него двойника, который теперь и правит Немедией. Потому и королева в тюрьме – чтобы не почувствовала подмены. И казнят высокопоставленных дворян для того, чтобы освободить их места для участников заговора.

– Да – но кто это сделал? – воскликнула девушка. – Кто были те люди, что приезжали к Эле?

– Я тут перед уходом пошарил за пазухой у этих парней, – признался Сварог. – Думал – мало ли, драгоценности у них с собой есть или золото. Им-то оно без надобности, а нам пригодится. И вот что у одного нашел, – славянин протянул Ирине свиток в кожаном футляре.

Девушка нетерпеливо открыла футляр и пробежала глазами бумагу.

– Ах ты, ворюга, – ласково произнесла Ирина и вслух прочитала: – “Удостоверяю, что предъявитель сего документа действует с согласия Его Величества короля Нимеда и для блага Немедии.” Это значит, что владеющий этой бумагой может делать все, что угодно, а если ты попытаешься его остановить, то будешь считаться государственным изменником, – пояснила рабирийка. – Но самое главное – здесь имеется подпись! Вот, пожалуйста: “Советник Его Вели-

чества Эрих, барон Вольденский”, – Ирина хмыкнула. – Что-то не припомню я такого. Вот с этим скороспелым советником мы и побеседуем в ближайшее время, – девушка одарила сибиряка благосклонным взглядом: – Нет, Сварог, от тебя действительно порой бывает польза!

– Покорно благодарю, – буркнул славянин. – Я-то думал, ты способна сказать хорошее только о мертвце.

ГЛАВА ПЯТАЯ

– Ну, крошка, наконец-то мы одни!

Сварог довольно улыбнулся и энергично потер руки. Сидящая рядом Ильма, опустив ресницы, жеманно заулыбалась.

Все предыдущие дни были наполнены бурными поисками загадочного барона Вольденского, возглавляемыми неугомонной Ириной и проводимыми, по мнению Сварога, с излишней суетой и торопливостью. Попытавшись было разузнать об этом человеке через налаженную сеть штатных осведомителей Канцелярии, девушка заметила, что чиновники начинают проявлять к ее деятельности подозрительный интерес. В былые времена Ирине было достаточно погрозить своим тонким пальчиком, чтобы напуганные служаки мигом оставили ее в покое. Но в наступившие для Немедии смутные дни, когда головы летели с плеч без всякого повода, приходилось проявлять осторожность.

Подумав, рабирейка решила не пользоваться служебным положением, а действовать самостоятельно, точнее, с помощью находящихся под рукой Сварога и Шамсудина. Славянину и полугному приходилось с утра до ночи метаться по Берлину, расспрашивая всяких лавочников, слуг и прочий люд и стараясь при этом, по выражению Ирины, “не возбуждать подозрений”. Сварогу до невозможности претило подобное занятие, и он норовил отсидеться в какой-нибудь полутемной уютной таверне, предоставляя своему товарищу проводить поиски самостоятельно.

Но, в конце концов, Шамсудину повезло – на базаре он разговорился с весьма бойкой молодой особой, как оказалось, служащей в доме того самого барона, о чем она почти сразу сообщила туранцу. Обходительный полугном оказал на девушку такое впечатление, что она поведала ему историю всей своей нехитрой жизни, а заодно и все, что знала о своем хозяине. Оказалось, что месьор Эрих баронство получил совсем недавно, и месяца еще не прошло, а до этого он был лишь младшим сыном захолустного немедийского дворянина, и даже захудалое поместье папаши ему не светило. Жил месьор Эрих в столице давно, надеясь сделать карьеру при дворе, да все как-то не выходило. А тут – такая неожиданная удача! Девушка возбужденно рассказала Шамсудину, какой дорогой особняк купил ее хозяин, сколько новых слуг нанял и какой теперь у него великолепный экипаж, запряженный четверкой белых лошадей – специально из Зингары выписывали! А в королевском дворце он теперь бывает, почитай, каждый день, и состоит в близких друзьях Его Величества. И какие он устраивает балы! Закатив глаза, молодая служанка описала туалеты доброй половины тех дам, что бывали в гостях у ее господина. Шамсудин все это терпеливо выслушал, чем окончательно завоевал сердце девушки. Ему даже не пришлось расспрашивать, где находится особняк барона – нежно склонившись к уху Шамсудина (ибо девушка была едва ли не на голову выше своего собеседника), служанка сама пригласила туранца к себе в гости, описав, как добраться до жилища ее хозяина и где находится ее комната.

Ирина несказанно обрадовалась такой удаче. В ее изящной головке тут же сложился план, как им проникнуть к новоиспеченному барону. Шамсудину надлежало оправдать ожидания молодой служанки и заявиться к ней в гости, взяв с собой Ирину и представив ее своей сестрой, желающей наняться в услужение к господину Эриху.

– Главное – попасть в дом, а там посмотрим, – говорила рабирейка, тщательно убирая волосы под чепец, какие носили простые горожанки. – Думаю, случай поговорить с господином Эрихом представится обязательно. Чтобы вытянуть из него все, что он знает, я могу намекнуть на свою близость к Немеду – это его удивит, а также на свой высокий пост в Канцелярии – это его испугает...

– Больно сложно все у вас, – проворчал Сварог, развалившись на кровати и потягивая отличный эль, которым славился “Королевский плот”. – Подкараулить бы вашего барона в темном месте, вытащить из экипажа с белыми лошаdkами, приставить нож к горлу – мигом бы все выложил: и что знает, и что не знает. Мы бы вопросы задавать не поспевали.

Ирина поморщилась:

– Ты как славянином родился, Сварог, так им и останешься. Никакого понятия об интриге и тонкой дипломатии! – девушка вновь обернулась к маленькому зеркальцу, которое со стоическим видом держала перед ней Ильма. – Может, нам удастся подкупить этого человека, и он будет действовать на нашей стороне. Хотя обычно гораздо лучше подкупа действует запугивание, – Ирина нацепила поверх скромного платья дешевые бусы из каких-то камешков и, обернувшись к мужчинам и скромно сложив руки, полушепотом произнесла:

– Простите, господин... Нашей семье нужен кусок хлеба, и я подумала, что вы согласитесь нанять меня... Да, я могу готовить и стирать – все, что угодно, господин...

Куда девалась гордая столичная аристократка, привыкшая запросто общаться с королем? Перед ними стояла, опустив голову в блеклом чепце, бедная городская девушка, согласная на любую работу, лишь бы помочь своей большой и вечно голодающей семье. Что ни говори, а способностью к перевоплощению за свою долгую бурную жизнь Ирина овладела мастерски.

– Просто замечательно, – одобрил Шамсудин.

– Аппетитная из тебя служаночка получилась, – хмыкнул сибиряк.

– Ты, Сварог, остаешься охранять Ильму и девочку, – уже своим обычным, не терпящим возражения тоном сказала Ирина. – Головой за них отвечаешь! Не вздумай пить или отправиться играть в кости.

– И не собирался, – пробормотал славянин. – Меня ожидает более приятное занятие, – и он бросил многозначительный взгляд на Ильму, которая в этот момент жадно примеряла снятые Ириной при переодевании дорогие серьги.

Ирина подошла к Шамсудину и взяла его под руку. При том, что коренастый круглолицый туранец был совсем не похож на тоненькую изящную девушку-гуля, в них чувствовалась какая-то родственность. Их словно объединяла некая загадочность – оба они внешне казались не теми, кем были на самом деле. У Сварога мелькнула мысль, что невозмутимый Шамсудин гораздо больше подходит Ирине, чем он сам, и что их короткий роман был обречен с самого начала.

– Ждите нас здесь, – уже на пороге комнаты продолжала командовать Ирина. – На улицу не выходите, это опасно для Ильмы. Если ее кто-нибудь узнает – все пропало.

Ильма вздохнула и за спиной Ирины скорчила гримаску, означающую, что ей давно надоело самоуправство рабирийки.

– Не упускай случая, развлекись, если сможешь, – подмигнув, напутствовал друга славянин и напоследок увесисто хлопнул Шамсудина по плечу.

И вот теперь тайное желание Сварога наконец сбылось – ничто не мешало его маленькому приключению с беглой дочкой немедийского вельможи. Подсев к Ильме, Сварог полуобнял ее за плечи и начал нашептывать всякую дребедень, на которую обычно падки женщины. Ильма заливалась краской и беспрестанно хихикала, словно не замечая, что правая рука сибиряка уже начала развязывать тесемки на лифе ее платья. Неожиданно Ния, которая до этого, казалось, спала, свернувшись клубочком на широкой кровати, приподнялась на локте и мрачно взглянула на шушукающуюся парочку.

– Я хочу есть! – заявило белокурое создание, одарив слегка смутившегося Сварога враждебным взглядом.

– Ах, Ния, мы же недавно обедали! – недовольно воскликнула Ильма, оправляя одежду и отодвигаясь от славянина.

– Ну и что! – упрямо сказала девочка. – А я еще хочу! Будешь плохо за мной ухаживать – я папе пожалуюсь!

Ильма вздохнула и принялась раздраженно натягивать на Нию верхнее платье. Девочка победно посмотрела на Сварога и показала ему язык. Это окончательно разозлило сибиряка, чья личная жизнь вот-вот должна была пойти прахом из-за капризного младенца.

– Ну, вот что, – решительно сказал Сварог, бесцеремонно схватив девочку под мышки, как котенка. – Я посажу тебя за стол внизу, в общем зале, закажу тебе чего-нибудь поесть, и ты будешь сидеть там, как мышка, пока мы с твоей мамой тут поговорим о всяких важных делах. Иначе я запрячу тебя в подпол, где живут огромные крысы, и еду тебе будут спускать на веревке. Понятно? – сибиряк встряхнул Нию так, что у той клацнули зубы.

– А мой папа... – нерешительно начала девочка, с некоторым страхом глядя на славянина.

– А твой папа мне только спасибо скажет, что я избавил его от такого вредного дитяти, – и сибиряк улыбнулся Ние той улыбкой, что обычно предназначалась врагу перед тем, как выпустить из него кишки.

– Подожди, Сварог, нельзя оставлять ее там, это опасно! – заговорила Ильма, схватив славянина за локоть.

– Да что ей сделается! – небрежно произнес Сварог. – Подумаешь, посидит одна некоторое время. Ведь ты будешь вести себя хорошо, малышка? – славянин грозно посмотрел на Нию. Та побледнела и судорожно кивнула.

– Но... Ирина велела... Мы не можем... – растерянно залепетала Ильма. Сварог поставил Нию на пол и повернулся к девушке.

– В наши нелегкие времена никогда нельзя отказываться от маленького удовольствия – ведь оно может оказаться последним, – и, обняв Ильму, Сварог закрыл ей рот долгим поцелуем. Вначале девушка сопротивлялась, но вскоре ее руки удобно устроились на широких плечах славянина, а глаза томно закрылись.

– Подожди, киска, я быстро, – заверил сибиряк и, подхватив оторопевшую Нию, выскочил в коридор.

...Сварог вытянулся на постели, точно умиротворенный сытый лев. Избавившись в жарких объятиях от снедавшей его силы, сибиряк чувствовал себя несколько усталым, но вполне довольным. Рядом тихо дремала Ильма, положив руку на смуглую мускулистую грудь славянина. Она оказалась ласковой и покорной, с ней было легко и спокойно – не то что с утонченной непредсказуемой Ириной. Сварог вновь вспомнил свой быстротечный роман с рабирийкой и не смог удержаться от некоторого сожаления. Что ни говори, а такие девушки, как Ирина, попадаются очень редко, как золотой самородок в песке...

Внезапно в дверь резко и нетерпеливо постучали. Ильма вздрогнула и села на постели, натягивая на голые плечи одеяло.

– Кого там Сет принес? – недовольно поинтересовался Сварог.

– Открывай немедленно, где ты там застрял?! – раздался в ответ знакомый звонкий голос.

– Помяни демона к ночи – он и появится... – проворчал сибиряк с досадой.

Пока Сварог натягивал штаны и сапоги, а Ильма торопливо приводила себя в порядок, они выслушали от стоявшей под дверью Ирины немало интересных вещей о себе самих, а также о собственных родителях и ближайших родственниках. Наконец, сибиряк отодвинул засов, и разъяренная до предела рабирийка ворвалась в комнату, точно разгневанная Иштар на оргию святотатцев.

– Чтоб у тебя то самое отсохло! – яростно обратилась Ирина к Сварогу. – Мы влипли Нергал знает во что, а он только об одном и может думать!

– Не ревнуй, крошка, – добродушно произнес сибиряк. – Я же не знал, что это тебя так расстроит.

– Расстроит! – сердито бросила рабирейка. – Мне не до твоих шашней со всякими тут... – девушка бросила уничижительный взгляд на жмущуюся в уголке Ильму. – У нас большие неприятности, клянусь Митрой! – и Ирина устало опустилась на скамью.

– Что случилось? – сдвинул брови Сварог.

– Ничего хорошего, – мрачно ответила Ирина. – Та девица провела нас в особняк барона, мы с ней поговорили о том, о сем, потом попросили отвести к ее хозяину – якобы просить принять меня на службу. Она привела нас к кабинету этого Эриха. Мы под благовидным предложением от нее избавились и вошли. А там господин барон валяется в луже крови и из горла кинжал торчит. И кровь еще свежая, – девушка безнадежно махнула рукой. – Я было кинулась в его бумагах копать, что на столе лежали – а тут городская стража. Навел кто-то... Меня не тронули, приняли за служанку... Шамсудина сразу повязали, да он и сопротивляться не стал, только повторял, что невиновен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.